

АСЯ ПЕТРОВА

БРАК ПО РАСЧЕТУ
Девочка Арсанова

Ася Петрова

Брак по расчету.

Девочка Арсанова

<https://litres.ru/74213429>

Аннотация

— Отныне ты живешь всего лишь по двум правилам: первое — безоговорочно подчиняешься мне. Второе, самое главное — никогда мне не перечишь. Ясно?

— Нет.

— Что из сказанного ты не поняла?

Тамерлан берет мой подбородок, приподнимая его своей большой ладонью. Встречаемся взглядами, мой — с вызовом, его — с напором.

— Нет, это значит, что я не собираюсь следовать твоим правилам.

Отец выдал меня замуж за Тамерлана Арсанова. Все, что я знаю, это то, что он чеченец, жесткий и у него есть другая женщина. А еще он хочет, чтобы я была покорна и послушна.

В тексте: властный и жесткий герой смелая героиня, которая не готова сдаваться тайны прошлого ненависть и любовь всепрощение традиции

и еще... немного обценной лексики.

ХЭ! Это самое главное)))

Содержание

Глава 1. Зара	5
Глава 2. Зара	11
Глава 3. Зара	16
Глава 4. Руслан Ахмедов	21
Глава 5. Зара	26
Глава 6. Зара	32
Глава 7. Зара	37
Глава 8. Зара	44
Глава 9. Зара	49
Глава 10. Зара	55
Глава 11. Зара	61
Глава 12. Зара	66
Глава 13. Тамерлан	72
Глава 14. Зара	78
Глава 15. Зара	83
Глава 17. Мурад	89
Глава 18. Зара	95
Глава 16. Зара	100
Глава 19. Тамерлан	106
Глава 20. Тамерлан	111
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Глава 1. Зара

Наши дни.

— Мам, как тебе платье? — спускаюсь по лестнице со второго этажа, крича и кружась вокруг своей оси. Новое платье просто великолепное. Черное, в пол, с закрытыми руками и шеей, но в невероятных блестках, что струятся волнами вниз. Юбка длинная, но не сильно пышная.

— Какая ты у меня красавица, Зара, — она целует мою белокурую макушку, а после приглаживает волосы.

— В тебя, — улыбаюсь и падаю на стул, крадя из корзины зеленое яблоко. Вгрызаюсь в сочный плод зубами, ощущая приятную вяжущую кислинку во рту.

Забавно, но на мать я совершенно не похожа. И на отца тоже. Они у меня темненькие и кареглазые, а я светленькая и голубоглазая. Мама говорит, что я в прабабушку по ее линии. Эх, жаль фотографий нет. Я бы посмотрела на ту, от кого унаследовала такую внешность. Скромничать не буду, я и правда считаю себя очень симпатичной. Да и комплименты часто получаю.

Мама грустно улыбается, но тут же возвращается к своим делам. Вечная стирка, глажка, готовка. Отец предлагал ей нанять помощницу, но мама не приемлет никого чужого в доме.

— Зара, — басистый голос брата доносится сверху, вжи-

маюсь в стул, в надежде спрятаться. Брата я люблю, но он очень угрюмый человек... И всегда всем недоволен. То я не так оделась, то я что-то не так сказала. С самого детства он ко мне придирается. Мама говорит, что Мурад любит меня по-своему, возможно так оно и есть. Но лишний раз на глаза ему стараюсь не попадаться.

— Зара, — заходит на кухню, — Я же зову!

Хмурит свои черные брови. Вот он — копия родителей. Еще у нас есть младший братик, мы с ним погодки. Мне двадцать один, а Адаму двадцать. Правда этот повеса обитает везде, кроме дома.

Он у нас музыкант, сочиняет музыку, пытается строить карьеру. Отец злится, конечно, что Адам не пошел по его следам, не помогает по бизнесу, но любит его. Это я знаю.

Тем более, что Мурад отлично справляется со своими обязанностями.

— Не кричи на девочку, Мурадик, — мама укоризненно качает головой, — Посмотри какая у нас фиалочка. Разве можно кричать?

— Можно, — отрезает, но все же смягчается, — Когда не слушается. Пошли, фиалочка, тебя отец искал.

— Зачем? — продолжаю грызть яблоко.

Знаю, что испытывать терпение брата не очень хорошее дело, но иногда так и хочется.

— Зара, язык твой без костей. Вопросов много, а умных вещей в голове мало.

Обижаюсь на него, зачем он так? Это неправда. У меня прекрасное образование, да и умом я не обделена. Непослушная немного, это да... Но разве ж это проблема?

Хотя для Мурада еще какая проблема.

Выкидываю в мусорку огрызок, смотрю на маму, она кивает мне. Надуваю свои щеки и следую за братом.

Он приоткрывает дверь в кабинет к отцу и жестом руки пропускает меня вперед. Я снова хочу его подразнить, заходя внутрь, но за спиной хлопает дверь. И мы остаемся с отцом вдвоем.

Когда я была маленькая, я часто любила забраться к нему на руки и делать вид, что помогаю решать важные дела. Он корпел над бумагами, тяжело вздыхая, а я лепетала всякую ерунду ему. Он говорил, что это всегда его успокаивало. Особенно в трудные дни.

— Зара, душа моя, проходи, — отец снимает очки и устало трет глаза. За последнее время он сильно постарел, но держится молодцом.

— Отец, — киваю головой, а потом немного хихикнув, запрыгиваю в кресло напротив стола, — Как ты, мой хороший?

— Устал, дочка. Но ничего, Мурад сейчас на себя берет все больше обязанностей.

— Надо отдыхать больше, папуль. Чай не молодой уже.

— Ну спасибо за комплимент, доча, — он улыбается, в шутку жуя меня.

— Мурад сказал, что ты хотел поговорить, — расправляю подол платья, чтобы оно не помялось, и складываю руки на коленях.

— Да, — он становится серьезнее, — Ты же знаешь, что я тебя очень люблю, Зара?

— Конечно, пап. К чему вопрос?

— Просто хочу, чтобы ты понимала. Некоторые решения, которые я принимаю, они очень важны. Но ты всегда будешь моей голубоглазой любимой красавицей. Ты моя птичка, моя гордость.

От слов отца собирается влага в уголках глаз. Так проникновенно он говорит обо мне. Я и правда любимица в семье, хотя Адам бы поспорил... Вот кто настоящий любимец. Все ему прощается.

— Что-то серьезное случилось? — выпрямляю спину, напрягшись.

— Ты помнишь Арсановых?

— Да. Ты же вроде сотрудничаешь с ними. Не вникала в этот вопрос так глубоко, отец.

— Все верно. Я поставляю им оборудование в клиники. Но мы решили расширяться, хотим стать партнерами не только в работе. Ты понимаешь о чем я, Зара?..

— Если честно, то нет, — откидываюсь назад на спинку кресла и хмурю брови, прям как Мурад. Что за загадки?

— У Азамата Арсанова есть сын, ты его видела несколько раз. Тамерлан.

Да уж. Видела. Я видела как он обжимался в углу с какой-то девицей на одном из приемов. Помню как шикнул на меня, чтобы молчала и исчезла. Неприятный он. Властный, гордый, а взгляд... Как у волка.

— Да. И что, пап?

— Мы тут решили, что это отличный повод стать ближе. Стать семьей. Тамерлан ищет жену, ему нужна красивая, ласковая, умная, прям как...

Он не успевает договорить, я тут же вскакиваю на ноги.

— Прям как я, да? Отец? Как я?

Уму непостижимо. Меня что, хотят выдать замуж за этого негодяя? Да и вообще, не спросив меня?

— Зара, дочка, успокойся. Вы будете отличной парой.

— Нет, я не выйду за него!

— Как это?

— Вот так! — чуть ли не топаю ногой.

— Отец, — Мурад врывается в кабинет, видимо подслушивал, — Хватит потакать ей во всем. Совсем распоясалась. Она точно так где-нибудь опозорит нашу семью.

— Братик, — шиплю, — Ты хочешь, чтобы я была в горе? Жила с нелюбимым?

— Ну зато хоть кто-то тебя приструнит, — Мурад говорит жестко.

— Дети, успокоились, — отец поднимает руку вверх, — Зара, решение уже принято. Дочка, этот брак будет счастливым. Тамерлан тебя не обидит.

— Но я не люблю его... — слезы вырываются наружу.

— Дочка, полюбишь. Я уверен, что все будет хорошо.

Нельзя так делать, нельзя убегать, не дослушав отца. Но рыдания, что застревает у меня в груди, вырываются. И я убегаю из кабинета, роняя крупные капли на свое новое платье.

Я не хочу замуж. Я не хочу замуж за него.

Дорогие читатели! Спасибо за вашу отзывчивость и активность.

Если вам нравится книга, то я буду благодарна за лайк и библиотеку.

Если вам интересны новости про скидки, новые книги, то подпишитесь на автора, пожалуйста, чтобы не потерять.

Всех обнимаю!

Глава 2. Зара

— Дочь, ну чего ты плачешь? — мама заходит в комнату, еле слышно передвигая ногами. Я всегда ей восхищалась, она у меня мудрая и сдержанная женщина, отца слушается, наверно поэтому и идиллия в семье.

А я не могу слушаться, когда против моей воли что-то. Мы даже с отцом долго спорили, когда я выбирала университет, где хочу учиться. Моя взяла, но со скрипом на зубах. Отец у меня замечательный, но все же его слово — закон. И я правда стараюсь слушаться, стараюсь быть покорной, но словно что-то внутри меня идет супротив всему этому. Наверно, я какая-то неправильная чеченка.

Однажды я так и сказала матери, а она расплакалась. Не понимаю, чем ее задела слова мои. Может тем, что я от народа нашего отличаюсь, и даже она это понимает. Не знаю я.

Как белая ворона. Мало того, что не похожа ни на кого из семьи, еще и характер не сахар. Может поэтому меня выдают замуж... Чтобы другим докучала.

— Мам, ну как чего? Ты в курсе, что придумал отец и Мурад? Разве так можно, на дворе 21 век, да и живем мы не в Грозном. Почему так происходит?

— Родная моя, — она мягко опускается рядом, присаживаясь на кровать. Гладит по спине, как детстве, — Арсановы хорошая семья, они тебя не обижают. Они будут к тебе отно-

сится также как и мы.

— Ну не в этом же дело! — я повышаю голос, знаю, нельзя так. Я все знаю. А куда эмоции денешь, — Я не люблю этого человека. Мамочка, у него же женщина другая есть. Я знаю это. Он будет ее любить, а потом ко мне приходиться... Ты же тоже женщина, представь отец так бы поступал.

— Девочка моя, у отца твоего были попытки завести вторую жену, — она опускает голову, а я тут же замолкаю, переставая хлюпать носом, — И только поистине мудрая женщина сделает так, чтобы у мужчины не было желания завести другую семью.

— Опять женщины должны что-то делать? При всем уважении, мама, мы долго будем покрывать мужчин за их... — я не успеваю договорить, потому что мамина ладонь закрывает мне рот.

— Зара, прекрати, — шикает на меня, — Кто в тебя вселился? Разве может чеченская девушка такое говорить о мужчине? Разве может не почитать? Мы тебя такому не учили. Хорошо, что это я услышала. А если бы отец или Мурад... Или еще хуже твой жених. Аллах, Аллах, — она качает головой в разные стороны.

Да, высказывать свое мнение в такой форме несказанная дурость. У нас... А вот русские девушки позволяют себе и за права бороться, и жить наравне с мужчиной.

— Это все подружки на тебя так влияют, да, Зара? Ты помнишь, что ты не русская? Ты другая.

— Нет, мама. Я не понимаю просто, почему я должна выходить замуж за того, кого не люблю. Да он мне даже не нравится. Ты видела его глаза? А я вот видела. Волк, голодный, жесткий. Посадит меня в четырех стенах, я даже шевелиться не смогу.

— Не придумывай, девочка моя.

Какой толк говорить? Все равно уже решение принято. Немной.

— Вытри слезы, Зара. Быстро! Арсановы приедут с минуты на минуту. Ты их собралась в таком виде встречать? — у Мурада словно в доме везде уши.

Мы только с мамой заканчиваем говорить, и он тут же врывается в комнату. Без стука. Брат не церемонится обычно.

— Сейчас? Уже? Но я не готова!

— Прекрати! Немедленно! Чтобы я больше не слышал вот этих соплей. Ты Ахмедова, ты должна слушаться и молчать, Зара. С детства тебе прививаю покорность, но ты со своей грязной кровью...

Брат не успевает договорить.

— Мурад! — я впервые в жизни слышу, как мама повышает голос. Обычно свой тихий и мелодичный, — Сын, не смей!

Он стискивает челюсти, выглядит устрашающе. А у меня из головы не выходят его слова про грязную кровь. Ну и что он имел ввиду? Вообще-то у нас с ним одна кровь... Неснос-

ный братец.

— Минуту. Чтобы внизу была, с улыбкой, красивая, счастливая. Ясно?

Я молчу, смотрю на него исподлобья, прожигая раздраженным взглядом.

— Зара, я ясно выразился? — еле сдерживает себя.

— Да, — ответ дается мне тяжело.

Брат выходит из комнаты, и я тут набрасываюсь на маму с вопросами. Что он хотел сказать?

— Он просто не сдержанный, Зара. Ты наша дочь, и мы тебя любим. Остальное неважно. Поняла?

— Любили бы, не отдали замуж против воли.

Встаю с кровати, поправляю платье, теперь оно мне уже не нравится. И блески эти дурацкие. Все дурацкое. Вытираю слезы платком, припудриваю лицо. Мама хочет сказать, что я не права, но мне уже все равно. Ни одно мое слово не изменит ситуацию.

Я иду по длинному коридору, к лестнице. Лампочка перегорела в ненужный момент, поэтому немного темно, и я еще в черном платье как пятно мрачности и уныния. Очень подходящая обстановка.

Отвлекаюсь на шум внизу, видимо гости уже приехали. Дышу глубже, чтобы собраться. Улыбку натянуть... Очень сложно. Но я стараюсь, как могу.

Торможу перед лестничным пролетом, секунду еще побыть наедине с собой. Насладиться одиночеством.

Делаю шаг вперед, и врезаюсь в мощное тело. Чужие руки хватают меня за локти, придерживая. Слышу мужской голос над макушкой, он что-то тихо говорит на чеченском, разобрать не могу.

Поднимаю взгляд и тут же врезаюсь в этот волчий оскал. Ну замечательно просто. Вот и будущий муж собственной персоной.

— Тебе нужно научиться манерам, мои руки у тебя на теле, и ты даже не предприняла попытку отстраниться. Тебе нравится, когда тебя касаются мужчины, Зара?

Я вспыхиваю за секунду. Что он такое говорит?

— Я знал, что с тобой будет много хлопот. Но ничего, перевоспитаем, если отец и брат тебя не научили, как нужно вести себя в обществе мужчины.

Я отшатываюсь от него.

И вот за этого человека меня хотят выдать замуж. Вот за него? Да в нем чувств меньше, чем сахара в супе. То есть почти нет.

— Тогда не женись на мне, Тамерлан. Откажись.

Глава 3. Зара

Во время обеда я стараюсь не поднимать головы, потому что сижу напротив своего жениха. Прогоняю в голове обрывки, как после моих слов он грубовато отодвинул меня в сторону и молча ушел вглубь коридора. Как бы я хотела, чтобы он от меня отказался. Сказал, что я не подхожу ему. Но он этого не сделал.

Вожу суповой ложкой по наваристому бульону с приличным куском молодого барашка, но кусок в горло не лезет. Тошно. И я не понимаю, неужели это все? Вот так просто я в скором времени стану женой человека, которого не люблю. И который не любит меня.

— Руслан, уважаемый мой, какая у вас дочка красавица, мы рады, что такая девочка достанется Тамерлану, — голос Азамата Арсанова, отца моего жениха, раздается по всему обеденному залу. И кажется я даже слышу эхо.

Он приятный мужчина, но видно, что чтит все правила и традиции. Это отражается в каждом его жесте и слове.

— Правда вот, чего же она платок не носит. Тамерлан, после свадьбы обязательно нужно подарить жене много красивых платков. Хорошо, сынок? — Азамат обращается к сыну, а я резко поднимаю голову и встречаюсь с голубыми сердитыми глазами.

Отец никогда не принуждал носить меня платок. Неуже-

ли придется полностью спрятать себя? Но я так люблю свои светлые волосы.

— Отец, — Тамерлан не отрывает взгляд от моего лица, и словно чувствует, как я боюсь. Боюсь потерять себя, — Мне достаточно того, что Зара носит косынку.

Я удивленно приоткрываю рот. Он что, отстоял меня? Не стал потакать отцу? Не может быть, что это просто так. Он обязательно что-то потребует взамен.

— Азамат, друг мой, мы все же в Москве. Тут к платкам настороженно относятся... Сам понимаешь, — отец дружелюбно хлопает старшего Арсанова по плечу.

— Ну да, ты прав, друг мой, — мужчина тут же соглашается с отцом, но все же я успеваю заметить его сердитый взгляд, направленный в сторону сына.

— Дети мои, может вы хотите пообщаться наедине? Познакомиться ближе? — я очень не рада предложению отца, и внутри молюсь, чтобы Тамерлан отказался на сегодня. Я не могу выкрикнуть, что не хочу. Не позволено, мужчина первый отвечает.

— Да, отличная идея, — Тамерлан встает из-за стола, обходит его и подает мне руку.

Я тушуюсь на секунду, смотрю на его протянутую ладонь и боюсь ее касаться. Пожалуйста, я не готова.

— Зара, прогуляемся? — Тамерлан давит, говорит с нажимом.

Не поднимая головы, киваю. Извиняюсь перед всеми при-

сутствующими и вкладываю свою маленькую ладошку в его огромную лапу. Он сжимает ее, косточки слегка хрустят, или мне так чудится.

Он уводит меня под улыбающиеся лица родственников, и как только мы скрываемся за поворотом, отпускает.

— Нужно съездить в одно место, потом поговорим.

— Может я останусь дома, и мы пообщаемся позже? Если ты занят...

— Нет, Зара, поехали.

Выбора нет. Он говорит так, словно я вообще не могу даже задуматься об обратном.

Мы выходим на улицу, Тамерлан открывает дверь своего седана с пассажирской стороны, и я юркаю в холодный салон. Он тут же замечает, что я слегка трясусь, и делает температуру теплее.

— Спасибо, что отстоял меня перед своим отцом.

Он вскидывает бровь, словно не понимает, что я имею в виду.

— Я про платок.

— Пустяки. Мне нравится, когда у женщины красивые волосы.

Он замолкает, а я не понимаю, он сделал комплимент, что ему нравятся мои волосы или просто так сказал. Я ничего не понимаю, в голову этого мужчины не залезть. Да и не хочу я.

— Куда мы едем? — не понимаю, могу ли я вообще задавать вопросы такого рода. Но и молчать невыносимо.

Потому что я слышу его ровное дыхание, и свое сбивчивое.

— Мне нужно кое-что передать одному человеку. Это не займет более десяти минут.

Я киваю, понимая, что он не собирается развивать диалог. И это он называет общением?

Мы заезжаем на территорию элитного комплекса, вокруг многоэтажки с охраняемой зоной. Тамерлан паркует машину у одного из подъездов, просит меня подождать внутри и выходит. В салон тут же попадает промозглый ветер, я поворачиваю голову и мое лицо кривится в шоке.

Из подъезда вылетает девушка, та, с которой я уже его видел когда-то. Она маленького роста, поэтому на ней сапожки на высоком каблуке и короткая шубка из белого меха. Она поправляет блондинистые локоны, широко улыбается и бежит навстречу к Тамерлану.

Бросается на шею мужчины, он обнимает ее за талию и отводит под козырек подъезда.

Я не понимаю, к чему мне наблюдать за этим спектаклем. Это ужасно, он хотел таким образом указать мне на мое место? Унизить меня?

Я сдерживаю слезы, глотая ком горечи. И так мне всю жизнь? Лежать ночами в холодной постели, пока муж резвиться с другой? Другими...

Она замечает меня в машине и очень грубо что-то объясняет Тамерлану, постоянно тыча пальцем в мою сторону. Он

лезет к ней, хочет успокоить, но нет. Она продолжает истерить.

Я догадываюсь, что он ей рассказал про свадьбу. Про меня. Разбил девушке сердце. Представляю как ей больно.

Но она русская, и если думала, что он женится на ней, то мне жаль. Она ошибалась. Ему бы не позволили.

Девушка замахивается, чтобы дать ему пощечину, и я цепенею от ужаса. Она с ума сошла? Поднять руку на мужчину? Аллах, Аллах, да он же уничтожит ее...

Но Тамерлан спокойно перехватывает ее руку, целует пальчики и что-то шепчет ей. Я вижу, как девушка вздрагивает, очевидно плачет. Они прощаются, и когда он начинает ее целовать, я отворачиваюсь.

Это слишком... Я расскажу отцу, и он передумает. Неужели он допустит, чтобы его дочь так унижали?

Тамерлан возвращается в салон автомобиля, я чувствую, что злится. И ведь он тоже заложник ситуации. Явно любит ее. Хочет быть с ней, а приходится со мной.

— Зачем? — шепчу, еле размыкая губы.

Он прекрасно понимает, что я имею ввиду. Мне не нужно добавлять лишних слов.

— Хочу, чтобы ты сразу уяснила, где твое место рядом со мной, Зара. Я не буду верен тебе. Привыкай уже сейчас.

Глава 4. Руслан Ахмедов

И только сильный духом человек, мог взять на себя такую ответственность.

Руслан Ахмедов. 20 лет назад

Ноябрь в столице выдался крайне дождливым, казалось, что тучи затянули не только небо, но и душу скромного чеченского мужчины Руслана Ахмедова. Они недавно с семьей переехали в Москву, только начали обустраивать свой быт. Руслан был из тех мужчин, кто всегда добивается своего, скромный мальчик, выросший на ручном труде, всю детство и юность провел, помогая своим родителям в хозяйстве. Сейчас он как настоящий мужчина не пасовал перед трудностями, что вставали у него на пути. А кого столица встретила с распростертыми объятиями? Мало кого. Ахмедов не стал исключением, и все же упертость в характере, позволила ему зацепиться и остаться на плаву.

Я ехал домой, как обычно отработав в две смены. Ну а разве возможно по-другому, нужно кормить семью. Нужно поднимать свой бизнес параллельно. Все тяжело дается, но мы, Ахмедовы, не из тех, кто сдается в самом начале пути. Ничего, и не такое в жизни видели.

Дома ждет моя красавица, наверно как всегда стол накрыт вкусными яствами, сын надеюсь тоже принес из школы хо-

рошие оценки. Ну никакой дождь не омрачит мое хорошее настроение, несмотря на усталость.

Трасса пустая, ни одного фонаря. Тишина и пустота. Кручу звук на магнитоле, в надежде услышать хорошие новости, но вокруг один мрак. Там дома взрывают, тут в заложники детей берут. Не дело это, нельзя так жить. За всё кара придет, за все злодеяния нечеловеческие.

На повороте я вижу как вдали горит яркое пламя, и нет, это не костер. Пламя настолько большое, что, чем ближе я подъезжаю, тем сильнее оно слепит. Паркую машину поодаль, выбегая под ливень. Прикладываю руку к лицу, качая головой в разные стороны. Машина горит, авария.

Недолго думая, тут же бегу в сторону. Люди могли пострадать, надо помочь. В беде всегда нужно помогать.

У машины в метрах трех лежит женщина, она не шевелится, но что-то шепчет губами, они еле-еле двигаются на красивом лице.

— Девушка, как помочь? — надеюсь она разберет мой акцент.

— Дочь, — говорит так тихо, что разобрать не могу на самом деле я, — Дочь, — повторяет.

— Какая дочь?

Она скулит, сжав зубы, и переворачивается со спины на бок. Я вижу насколько ей больно шевелиться, поэтому помогаю ей. Тут же на глаза попадает маленький сверток, клубочек. Внутри плотно свернутого одеяла невероятной кра-

соты ребенок. Девочка с ангельскими голубыми глазами и пухлыми губками. А какой румянец. Ребенка абсолютно не смущает дождь, горящая машина, сон полностью захватил это тельце.

— Помогите ей. Помогите моей девочке, — женщина хрипит, сплевывая на землю кровь, — Это Аня. Моя девочка. Помогите ей.

Я беру сверток с ребенком на руки, прижимая к себе. Ничего ее не волнует, спит себе и все.

— В машине кто-то есть?

Она кивает, и я вижу ее адскую боль. Не физическую, душевную.

— Муж. Он погиб.

По щеке женщины скатывается слеза, и у меня застревает ком в горле. Малышка чувствует общее настроение и резко просыпается, озаряя пустую трассу криком. Я укачиваю ее, но она гремит еще сильнее.

— Пожалуйста, помогите ей. Не бросайте.

— Я вам тоже помогу. Секунду.

Бегу к машине, девочка истошно воет, я нахожу у себя в авто плед и расстилаю его на переднем сиденье, куда укладываю малышку. Она обиженно трет свои голубые глаза и дует губки бантиком.

— Ну что ты, прелесть, не плачь.

Закрываю машину и бегу обратно к женщине. Нужно помочь ей, отвезти в больницу.

— Давайте, цепляйтесь за меня, — беру ее руку в крови и закидываю себе на плечо. Она сваливается обратно на землю, и я вновь повторяю манипуляции.

— Ну что такое? — причитаю. Поворачивая голову к ее лицу и осознаю, что помогать уже некому.

Страшно. Страшно понимать, что тот сверток, что лежит у меня в машине осталась сиротой. Вот еще минуту назад ее мама крепко сжимала в своих руках, а сейчас она одна.

Всю дорогу до дома еду в смешанных чувствах. Анята, вдоволь накричавшись, снова уснула. Пока мы ехали, я успел притормозить у магазина и попросить у них телефон. Вызвал скорую и полицию, но сам на место происшествия возвращаться не стал.

— Родной мой, я тебя потеряла! — жена открывает дверь и охает, оглядывая мое испачканное лицо в чужой крови. Она не сразу замечает, что я не один.

— Возьми, — протягиваю ей Аню, — Надо осмотреть ребенка на наличие травм. Я не успел.

— Каких травм, Руслан? Чей это ребенок?

— Мам, пап, что случилось? — сын выходит из комнаты.

— Иди к себе, Мурад.

— Но я...

— К себе, сын.

Мальчик кивает и убегает обратно, плотно прикрыв дверь.

— Займись ребенком, пожалуйста, Хеда. Все разговоры

потом.

— Просто ответить мне, кто это?

— Будет нашей дочерью.

Не знаю точно, когда я принял решение. Когда только увидел ее, или когда увидел лицо ее матери, которой уже нельзя было помочь. Много вопросов.

Но один ответ у меня был. Я поклялся той женщине, что помогу девочке.

Жена смотрит на меня как на сумасшедшего, но в такие моменты лучше ничего не говорить, а просто делать. Она убегает в комнату с Анютой, а через минуту возвращается.

— Смотри, в свертке документы лежали на ребенка. Селиверстова Анна Андреевна. У нее родители где? — она раскрывает помятое свидетельство о рождении.

— Нет никого, мы теперь ее родители. Дай мне сюда, я спрячу это, — комкаю зеленоватую бумагу и кладу в задний карман.

— Руслан, ну что ты такое говоришь? Она же русская. Как мы это всем объясним?

— Никто никогда не узнает, Хеда. Все. Я так решил.

Глава 5. Зара

Я влетаю в кабинет отца в расстроенных чувствах. Вообще это слабо сказано, я взбешена. Потому что Арсанов вытер об меня ноги, не в прямом смысле, конечно, но я даже не знаю, что хуже.

Как он мог так унижить ни в чем невинного человека? Будто это я всеми цепями его к себе привязала и заставила жениться. А я ведь такой же заложник ситуации. Почему я не позволяю себе таких вольностей и унижений?

Нет, пусть делают, что хотят. Но свадьбы не будет. Я даже под дулом пистолета не протяну руки этому чудовищу.

— Отец, — дышу нервно. Влетать без стука к мужчине, даже к отцу, это опять же неслыханная фривольность, за такое могут наказать. Но я знаю, что отец у меня с виду строгий, в душе самый мягкий и теплый человек.

— Зара? — отец удивленно взмывает густые черные с седыми волосками брови вверх.

— Делай, что хочешь, но я не выйду замуж за это животное.

— Ну что ты такое говоришь, дочка? Что могло такого случиться, что ты его называешь животным, девочка? Аллах, Аллах. Нельзя так.

Он разочарованно качает головой из стороны в сторону, пытаясь меня пристыдить. И в любой другой ситуации я бы

застыдилась, опустила бы голову. Но сейчас внутри меня столько злости, что не отпускает.

— Отец, он повез меня к своей любовнице. Он целовал ее на моих глазах.

— Какая любовница, Зара? У Тамерлана никого нет.

— Я видела собственными глазами, как эта русская девушка обвивала его шею, как он гладил ее. Отец, я любви хочу, а не позора, — падаю на колени, роняя голову вниз, — Не губи мое сердце. Прошу, не ломай меня.

— Девочка моя, — он откидывает бумаги в сторону и вскакивает с кресла, подбегая ко мне. Опускается вниз, и его жест говорит о многом. Опуститься вот так вниз, к женщине, сесть на колени... Это не каждый сможет сделать, — Может ты все неправильно поняла?

— Нет. Слишком очевидно все было. Не отдавай меня ему, родной мой, — хватаюсь обеими руками за локти отца, ловлю его взгляд.

Ну я же твоя любимая девочка, разве так можно?

— Понимаешь, у меня нет другого выхода. Ваш союз поможет нам стать сильнее, окрепнуть.

— Такими путями? Через мою боль и страдания?

— Ты преувеличиваешь, моя птичка. Я переговорю с Азаматом, он уладит этот вопрос.

— Отец... — слезы без остановки катятся вниз, капая на ковер, — Он все равно все сделает по своему. Не отдавай.

Я шепчу, потому что от рыданий сел голос и пересохло

горло. Отец привстает, наливает из графина воду в стакан и протягивает мне. Делаю жадные глотки.

— Зара, все будет хорошо! Я не дам тебя в обиду, но свадьба будет. И да, стоит поторопиться с выбором платья и прочей женской атрибутики. Переговори с матерью, я выделю деньги. Езжайте в магазин.

Как ловко и быстро он переводит тему, но я не дам замолчать эту ситуацию.

— Отец, послушай...

— Нет, Зара, — он встает на ноги, отряхивая колени и поправляя черные брюки, — Эта тема закрыта. Больше мы ее не обсуждаем. Вопрос с его любовницей тоже будет решен. Можешь быть спокойна.

А я не могу успокоиться, потому что знаю, что так легко этот вопрос не решится, как думает отец. Я уверена, что ничто не остановит Тамерлана от ночных визитов к своей любовнице втихомолку.

— Сколько у меня есть времени?

Думаю месяц, два. Мне придется свыкаться с этой мыслью, но я уже все для себя решила. Я не стану выходить замуж без любви. Я сбегу.

— Свадьба через неделю.

— Что? — ножи летят прямо в сердце. Вторая новость за день, которая выбивает почву из-под ног и воздух из легких.

— Зачем откладывать?

— Но это слишком быстро, отец. Я еще с мыслью не свык-

лась и сразу под венец?

— Вот в браке и свыкнешься. А теперь ступай, Зара. У меня много дел.

И снова переводит тему. Только в этот раз я не спорю, грустно усмехаюсь и тихо выхожу.

Прислоняюсь к холодной стене, еле дышу, ловлю рваные вздохи. Мне очень плохо, голова кружится, перед глазами мушки летают. Вот-вот и в обморок свалюсь.

Но мне нужно держаться сильной, нужно сначала решить вопрос, а потом и пострадаю.

Я очень сильно люблю свою семью, безумно. Они самые лучшие люди на свете. Но сейчас я чувствую словно меня предали. Самые близкие люди.

Поэтому когда я забегаю в свою комнату, я не даю себе даже времени обдумать план. Бежать. Срочно.

Уверена, что мама меня поймет, должна. Она же тоже женщина. Отец будет злиться, но простит, в этом я уверена.

Кидаю в небольшую сумку все самые нужные вещи, остальное куплю потом. Деньги на первое время есть, все же я не из бедной семьи. Прячу небольшой конверт с наличкой на дно сумки под свитер.

Переодеваюсь в джинсы. Единственные джинсы, которые у меня есть. При отце и братьях я их не ношу, не положено. Одеваю в самых редких ситуациях. Например, когда ездила с друзьями на природу. А так только платья и юбки.

Поправляю косынку серого цвета, которая облегает мою

голову как ободок.

И да, я действительно, прыгаю в окно. Никогда в жизни я такого не делала, видела в фильмах и сериалах. Но сбегать из дома?... Из окна?...

Меня бы наказали. Сильно. Да и причин не было для побега. До сегодняшнего дня.

Ставлю ногу на карниз, аккуратно скидывая сумку вниз, в кусты, покрытые снегом. На карнизе немного скользко, но я стараюсь делать все медленно. Переставляю ноги, двигаясь ближе к трубе. Понятия не имею, как я буду спускаться, но все же нужно собраться.

— Зара? — знакомый голос окликает меня, и я скулю от досады. Нет, пожалуйста.

— Зара, сестра моя, — поворачиваю голову в сторону окна своей комнаты.

Адам недоуменно взирает на меня, даже слегка ошарашено.

— Что ты делаешь, сестренка?

— Сбегаю, — пишу.

— Зачем?

— Долго рассказывать. Не выдавай меня, братик. Прошу тебя, так нужно.

— Зара не глупи, — он тянет руку ко мне, но я резко отшатаюсь. Одна нога поскальзывается, вскрикиваю от страха, пытаюсь ухватиться за карниз рукой, но лечу вниз.

И по ощущениям очень долго лечу. Все же соприкасаюсь

с землей. Удар кажется сильный, но я не отключаюсь.

— Зара! Аллах! — Адам кричит мне и тут же исчезает из окна.

Глава 6. Зара

— Адам, пожалуйста, помоги мне сбежать! — хватаюсь за плечи младшего брата, когда он поднимает меня на руки.

— Зара, что ты такое говоришь? Куда бежать?

— Куда-нибудь! Они хотят меня выдать замуж за плохого человека. Братик, ну ты же хороший у меня, помоги мне.

— Тише, не кричи, сестренка. Услышат, — он накрывает своей ладонью мой рот, — Я тебя отвезу к себе. Побудешь, пока не придешь в норму. Хорошо?

— Они там найдут меня...

— Зара, успокойся, я предупрежу мать, что забрал тебя к себе.

— Нет-нет, — я снова начинаю кричать. Внутри все еще бурлит кровь вперемешку с адреналином. Я не могу отойти от боли в спине, кажется повредила копчик. И низ сильно тянет, постреливая.

— Тшшш, — он гладит мою голову, прижимая к своей теплой груди, — Хорошо, сестра моя, я никому не скажу. Поехали.

Мы выходим со стороны двора, чтобы не попасть под камеры. Мы все прекрасно знаем, где они расположены, поэтому Адам ведет меня к машине по слепой зоне. Аккуратно сажает на пассажирское сиденье, еще раз смотрит в глаза.

Надеется, что передумаю?

Я бы с радостью осталась в доме, там, где мне всегда было хорошо. Но сейчас я не могу себе позволить делать то, что хочу.

— Расскажешь? — Адам заводит машину, и мы выезжаем на дорогу.

— Арсановых знаешь? — он кивает, — Отец и Мурад приняли решение отдать меня за их среднего сына. Тамерлана.

Брат хмыкает, и я вопросительно изгибаю бровь.

— Из всех Арсановых тебе достался самый гулящий, — даже брат в курсе, какой ходок налево этот волк. Почему же отец с Мурадом не понимают этого?...

— Ты знаком со всеми?

— Ну да, — Адам как-то уклоняется от ответа, но все же откровенничает со мной, — Мне нравится их сестра, Раяна. Я не раз просил ее братьев отпустить девушку со мной гулять. Но сказали, что не дорос еще.

Адаму всего двадцать. Но я бы сказала, что из всей нашей семьи это самый целеустремленный и отважный человек. Да, Адам не всегда серьезный, иногда бывает слишком много шутит и веселится, но разве это делает его плохим человеком?!

Он не захотел помогать с бизнесом отцу, но он и не сидит на его шее. Сам себя обеспечивает, пишет музыку, довольно успешно продвигается в музыкальной сфере. Я очень горжусь братом.

Он родился, когда мне было 1,5 года. Не знаю, почему родители решили завести еще одного ребенка, мы тогда не очень хорошо жили. Но я рада, что Адам появился на свет. Он — мой лучик.

— Мурад звонит, — Адам поджигает губы, показывая мне экран телефона.

— Не бери! Он из-за меня звонит! Я чувствую!

— Сестренка, я не могу не взять трубку, ты же знаешь..., — у братьев всегда были сложные отношения.

Хотя у кого с Мурадом легко все складывается. Он очень жесткий человек, но я все равно его люблю.

— Пожалуйста, не нужно, — влага снова собирается в уголках глаз. Мне так страшно, он заставит вернуться домой. А потом накажет.

Он один раз в жизни себе позволил меня наказать... И у меня до сих пор сердце кровью обливается, когда я вспоминаю тот день.

Адам мечется, не понимая как правильно поступить. У него могут быть проблемы, потому что Мурад их устроит. И мы оба это знаем с братиком.

— Ладно, — опускаю голову, — Ответь ему. Он не отстанет, я не могу тебя подвергать унижениям из-за меня.

— Сестра моя, — он целует мою ладошку, — Я скажу ему, что ты не со мной.

Киваю, слабо улыбаясь. Мурад не поверит.

— И что вы оба устроили? — голос старшего брата доно-

сится из динамиков автомобиля.

— Брат мой, Мурад, добрый вечер! Как твои дела? — Адам открыт и любезен. Он ко всем так относится, и я за это его уважаю.

— Сопляк! — рычит Мурад, — Верни сестру домой. Немедленно. Пока отец не узнал об этом позоре.

— О чем ты, брат мой? Что с Зарой?

— Не устраивай цирк! Я знаю, что она с тобой, — его рев слышен даже за пределами машины, — Зара, ты навлечешь беду. Я клянусь тебе, я выпорю тебя, негодяйка.

Сжимаюсь вся от страха, что окутывает мое тело. Зажмуриваю сильно глаза, боясь даже дышать, лишь бы он не услышал.

— Ну что ты такое говоришь? Аллах...Мурад, не тут Зары. Где сестра?

— Если через десять минут Зары не будет дома, — вкрадчиво, почти шепотом говорит Мурад, — Плохо будет вам обоим.

Он сбрасывает трубку, а я начинаю скулить. Даже не плакать. Потому что я не знаю, на что может быть похож этот скулеж.

— Зара, — Адам снова сжимает мою руку, — Мой долг помочь тебе. Не переживай, пусть наказывает меня, я не позволю ни одному волоску упасть с твоей головы.

Я бросаюсь к нему на грудь, сжимая теплый свитер в кулачках. Вымазываю крупную вязку в слезах и туши. Как хо-

рошо, что есть хотя бы один человек, кто на моей стороне.

— Отвезу тебя в травмпункт сначала, хорошо? Переживаю, что ты могла повредить что-то себе.

— Копчик болит, немного.

На самом деле сильно болит, настолько сильно, что сводит нижнюю часть тела, но я терплю.

— Ну вот, надо посмотреть. Сейчас, потерпи, моя родная.

Пока мы едем, я засыпаю, потому что тело и мозг сильно измучились от шока. И мне так хорошо во сне и спокойно, что я позволяю себе уйти в более глубокую фазу сна, чтобы хоть немного забыться.

Тогда я еще не знала, чем обернется этот побег. И сколько страха придется пережить в будущем.

Если бы я знала... Если бы только знала...

Глава 7. Зара

— Как ты? — Адам помогает выбраться из машины, придерживая за талию, и ведет к клинике.

Клиника не городская, сразу видно по фасаду здания, что частная. Хотя, в нашей семье принято получать лучшее образование, лучшее медицинское обслуживание. Все самое лучшее.

Отец очень долго к этому шел, мама рассказывала, что они жили довольно бедно. И то, что мы теперь имеем, благодаря упорству и сильному характеру отца.

— Добрый вечер! Чем я могу помочь? — девушка-администратор, лет двадцати, вскакивает тут же с места, как только видит нас.

Она поправляет свои каштановые локоны, слегка нервничая перед братом. Сразу отмечаю, что девушке он очень понравился. Ну да, Адам у нас такой. Красавчик и любимчик.

Правда, он даже не обращает на нее внимания, да и неинтересно ему.

— Девушка, у моей сестры повреждена спина, скорее всего копчик. Нам бы врача, чтобы посмотрел.

— Да, конечно, Тагир Азаматович на месте. Сейчас позову его.

Азаматович... Дурное предчувствие тут же заставляет прерывисто дышать. Я начинаю догадываться кому принад-

лежит эта клиника, и внутри поднимается буря злости на брата.

— Адам, — вскрикиваю, — Куда ты меня привез?

— Что такое, сестренка? — он удивленно взмывает брови вверх, словно и правда не понимает отчего у меня возмущение.

— Это же клиника Арсановых. Ты понимаешь, что будет, если кто-то из них меня здесь найдет?

— Как Арсановых? — его удивление растет с невероятной скоростью.

— Так! Ты не знал, что у них сеть клиник по всей Москве?

— Так пластической хирургии же. А эта..., — он оглядывает помещение, — Обычная.

— Я не знаю, — закрываю лицо руками, — Но Тагир, это старший брат моей жениха.

Почему-то мне не хочется называть будущего мужа по имени. Может потому что не муж он мне никакой... Не хочу его.

— Бежим отсюда скорее, — боль в копчике словно проходит, и я даже начинаю активно двигаться, подталкивая брата к выходу.

Лишь бы успеть уехать отсюда до того, как нас заметит кто-то из Арсановых. А в данном случае это явно старший брат.

— Вы куда? — мы только подходим к выходу, как нас окликают женский голос.

Девушка снова сильно смущается под нахмуренным взглядом брата, а я вся трясусь от страха. Тагир Азаматович стоит рядом с ней, скрестив руки на груди. Смотрит на меня внимательно, словно все понимает и знает. Словно видел как я сиганула из собственного окна.

— Зара, привет! Рад вас видеть, что случилось?

После того, как с его уст срывается мое имя, я уже понимаю, что сбежать не получится. Дело плохо.

Зло зыркаю в сторону брата, но он лишь извиняюще пожимает плечами. Не знал он...

— Сестра упала неудачно на землю, задела копчик.

— Как так вышло? — Тагир делает несколько шагов в нашу сторону.

— Неуклюжая, — все, что приходит на ум брату.

Закатываю глаза. Мужчины... Нет в них той хитрости. Нужной в моменте.

— Я поскользнулась на льду, плохо чистят дороги.

Беру инициативу в разговоре в свои руки.

— Но, если честно, уже чувствую себя намного лучше. Спасибо, мы наверно поедem!

— Зара, ты почти мне семья. Скоро вы с Тамерланом станете супругами, поэтому я не могу тебя отпустить так, не посмотрев.

Не знаю, замечает ли он, как кривится мое лицо. Но я не могу перечить. Ничто мне сейчас не позволит просто взять и уйти, наплевав на все рамки и правила приличия. Не простят

и не поймут.

Поэтому я молча плетусь следом, опустив голову. Нужно просто пережить этот осмотр, и я снова сделаю попытку сбежать. И я готова их сделать тысячи если это поможет мне избежать свадьбы.

Тагир заводит меня в кабинет рентгена, мы делаем все нужные процедуры. Наше пребывание вместе происходит в молчании, и я очень благодарна мужчине за это. Вообще, я могла бы влюбиться именно в такого, как Тагир. Умный, спокойный, мудрый. Еще и врач. Но насколько я помню, Тагир женат. И у него есть дети.

Да и не просто врач. Ведущий хирург в семейной клинике. Пластический хирург, я видела работы, которые он делал, это потрясающее. Его пациенты большие счастливчики. Интересно, что же он делает здесь? Подрабатывает? Ну точно нет, Арсановы в деньгах не нуждаются.

— Ты очень грустная, Зара, — он переходит на "ты", и мне в целом от этого комфортно, я не чувствую, что на мою территорию бесцеремонно лезут. Чего не скажешь о другом Арсанове.

— Вы тоже, Тагир Азаматович.

— Давай без выканья. И на работе этого хватает, — он смотрит на мой снимок на компьютере, а я сижу и покорно жду. А что мне еще остается делать.

— Хорошо. Как скажете... Вернее, как скажешь.

Слабо улыбаюсь, а внутри только одно желание — быст-

рее закончить все это.

— Ничего серьезного нет, сильный ушиб. Благо обошлось без вывихов. Процедура вправления копчика, скажем так, не самая приятная.

— А что там такого?

Тагир многозначительно смотрит на меня и возвращается к снимку.

— Через прямую кишку. Но тебе не требуется.

Я вся краснею от его слов. Просто за секунду становлюсь пунцовой с головы до пят. Промалчиваю, даже не знаю, что на такое отвечать. Что я рада?

— Тагир, — тихо зову мужчину, — У меня небольшая просьба.

От волнения пальцы на руках начинает сводить, и я их заламываю в разные стороны, чтобы успокоиться.

— Да?

— Не говори Тамерлану, что я была здесь. Пожалуйста.

— Поздно, — он разочарованно качает головой, — Я уже сказал. Он едет.

— Но когда? — открываю широко рот.

Теперь мне точно нужно бежать. Вот в эту же секунду.

— Пока ты переодевалась в кабинете. Зара, прости, я не мог его не предупредить. Он твой будущий муж.

Я вскакиваю со стула, ножки противно скрипят о пол. Хотя мебель здесь абсолютно новая.

— Мне..., — оборачиваюсь по сторонам, — Мне нужно

идти. Очень много дел. Спасибо!

Выгляжу я как городская сумасшедшая, но сейчас мне все равно.

Хватаюсь за ручку двери, резко дергая на себя, а получается, что лечу на пол с грохотом.

Снова! Второй раз за день!

И падаю прямо на копчик. Тело сотрясается дрожью от боли, лежу на полу, как полная дура. Слеза капает на чистый блестящий кафель.

— Зара? — голос сверху заставляет вздрогнуть, но я не поднимаю головы, — Посмотри на меня!

Не хочу я на тебя смотреть. И знать не хочу. ну разве тебе не понятно???

— Немедленно подними голову. Что ты позволяешь себе?

После его слов у меня открывается второе дыхание. Я набираюсь смелости, и поднимая подбородок максимально вверх, смотрю прямо в глаза Тамерлана. Он держится за ручку двери, находясь на пороге у входа в кабинет. Немного злой, но сдерживает себя.

Также впивается в меня своим волчьим взглядом.

— Я не хочу за тебя замуж!

Не знаю, что руководит мной в этот момент. И что я вообще творю, говоря ему эти слова. Но и врать я не хочу. Не хочу, чтобы он думал, что имеет власть надо мной. Я не сдамся просто так. Я не могу позволить какому-то мужчине, пусть даже и уважаемому в кругах, вот так вытирать об меня ноги

и унижать.

Глава 8. Зара

— Разве кому-то важно, чего ты хочешь? — Тамерлан едва ухмыляется.

— Зара! — Тагир растроенно качает головой, делает шаг в мою сторону, но Тамерлан останавливает его одним жестом руки. Его ноздри раздуваются в тихой ярости, он чуть ли не скрипит зубами, плотно стиснув челюсти.

— Брат, отойди от нее, — его слова звучат грубо, словно я грязь, и касаться меня нельзя.

Тагир слушается, не смотря на то, что он — старший брат. Я продолжаю полусидеть на холодном полу, не понимая, чем могут обернуться выброшенные в порыве отчаяние мои слова.

Хотя я сказала правду... Опрометчиво.

— Пожалуйста, не делай глупостей, — Тагир настоятельно просит брата взять себя в руки, но тот лишь наводит свой волчий взгляд на меня как на мишень. И я нахожусь под мушкой его голубых кристально-чистых, но таких холодных глаз.

— Выйди, брат.

Тамерлан просто кивает головой на дверь, но Тагир мешкается. Неужели переживает за меня? Тамерлан может причинить мне вред?

— Выйди...Пожалуйста!

Чеканит по слогам, и даже на расстоянии чувствую, как волны агрессии расходятся по всему кабинету. Тагир с сожалением смотрит в мою сторону, а мне от его жалостливо взгляда хочется подняться на ноги, отряхнуться и показать, что я не тряпка. Жалеть меня не стоит.

Дверь захлопывается, и мы остаемся вдвоем.

Он молча, очень медленно, словно впечатывая каждый свой шаг в кафельный пол своими идеально чистыми туфлями из натуральной кожи, двигается в мою сторону. Натягиваюсь как струна, вжимая все органы внутри, затаив дыхание.

Волк... Как самый настоящий хищник подкрадывается к жертве. Но меня не так просто поймать.

Он опускается вниз, что удивляет меня, упирается пятками в пол, широко расставив ноги в стороны, складывает локти на край коленей и одной, совсем невесомо, поднимает мой подбородок.

Наши взгляды встречаются. Его — безжалостный, отчужденный, мой — гордый, противостоящий. И искра пролетает. Мимолетная. Не та, что бывает между влюбленными... А та, что разжигает войну между двумя врагами.

— У тебя слишком длинный язык, девочка, — он качает головой, — И я даже не знаю, что будет гуманнее: навсегда лишить тебя его, или же растоптать твою гордость настолько, что ты сама не захочешь больше говорить.

Я леденею от ужаса, но не подаю вида. Хотя тоненькая

линия холодного пота стекает от моего виска вниз к шее.

— Ты знаешь, мне сказали, что ты будешь послушной, — он сдавливая мой подбородок своими пальцами, оставляя отметины, — Но пока я вижу очень юную неумную девочку, которую не научили общаться с мужчинами. Особенно с будущим мужем. Зара, кто позволил тебе такие вольности?

— А ей ты тоже затыкаешь рот, когда она говорит неугодные для тебя вещи? — он прекрасно понимает, что речь о его русской женщине.

Его рука хватает меня за всю челюсть, дергая вперед. Боль нестерпимая, словно кости лица под его лапой начинают трещать.

— Зара... Идиотка ты. Если я откажусь на тебе жениться, то тебя засмеют. Ты будешь брошенкой, бракованной, тебя никто больше не возьмет замуж. Тебя не захотят. Ты должна быть мне благодарна, что я дарую такую услугу тебе и твоей семье. Даю шанс стать Арсановой. Об этом многие женщины мечтают, чего тебе не хватает?

— Я по-любви хочу, — отчаянно качаю головой, — А тебя получается только ненавидеть.

Он усмехается, его веселят мои слова. Обнажает рот в улыбке, весело ему.

— Говорят ненависть намного сильнее чувство, чем любовь. Я разрешаю тебе меня ненавидеть. Но ты станешь моей женой, ты родишь мне наследника. И самое главное — ты навсегда закроешь свой рот. Я твой муж, мое слово — закон.

— Наследника? — пришла моя очередь усмехаться, — Родить подобие тебя? Такое же чудовище... Никогда. Слышишь, Тамерлан? Я никогда не стану носить твоего ребенка под своим сердцем.

Я наклоняюсь ближе к его лицу и проговариваю четко в его ухо. Я хочу, чтобы он запомнил, что его семя не окажется во мне даже под дулом пистолета.

Он отталкивает меня от себя, и я заваливаюсь на пол, ударившись виском о твердую поверхность холодного кафеля. Жамуриваю глаза, мушки летают перед глазами, тошнота тут же подбирается к горлу.

— Запомни! — он встает, отряхивает свои брюки, — Если подобное сорвется из твоего рта хоть еще один раз, я пушу тебя униженную по городу, выставлю на позор. И тебя будут клевать до конца твоих дней. Каждый день. Ты будешь молить пощады, ты будешь умолять, чтобы это прекратилось. Но этого не произойдет.

В ужасе расширяю глаза.

— Я не люблю тебя никогда, Тамерлан! Ты захочешь моей любви, я обещаю, что ты будешь сгорать, прося мою любовь. Но я не дам. Никогда. Я буду рядом каждый день, ты будешь хотеть больше с каждым разом, но ты ничего от меня не получишь.

— Вот и славно, — он складывает руки в карманы, разминая шею, похрустывая позвонками, — Мне плевать на твою любовь. У меня было много женщин, и каждая любила. Мне

хватит до конца жизни. А твоя грязная любовь не нужна...

Мы посмотрим, Тамерлан. Ты обязательно будешь просить меня о ней. Ты удивишься этому, но тебе будет мало меня.

— Приведи себя в порядок, нацепи на лицо счастливую улыбку и выходи в коридор. Я даю тебе пять минут, Зара.

Он выходит из кабинета, я встаю с пола. Вытираю уже сухие дорожки от слез с щек и скул. Включая кран с холодной водой, окуная лицо в ладони. И поднимая голову, смотрю на свое отражении в зеркало над раковиной.

Вот именно так хрупкие, скромные, нежные девочки превращаются в холодных, расчетливых и закрытых девушек. Вот так обламываются крылья.

Но я не сломаюсь. Арсанов будет чувствовать каждый раз словно его кости переламываются о бетонную стену моего безразличия к этому мужчине.

Он получит меня. Но он не получит мое сердце.

Глава 9. Зара

— Куда ты меня везешь? — складываю руки на коленях, сминая в пальцах юбку.

Мы едем уже минут десять, и явно не в сторону моего дома. С одной стороны я рада, что не домой, потому что Мурад точно устроит разбор полетов, с другой стороны находиться в одном помещении с этим... я не хочу.

— В мою квартиру в центре города. Я сейчас там не живу, но оставляю тебя пока там.

— В каком смысле оставишь?

— В прямом, Зара. Ты мне нервы треплешь, я устал от тебя и твоих выкрутасов.

— Отвези меня к отцу, — я требую у него. Потому что это ни в какие ворота не лезет. Он решил меня отвезти к себе...

Но у нас так не приятно, я не могу быть с ним там.

— Так нельзя! Останови машину!

— Если ты подумала, что я останусь с тобой, то ты еще больше дура, чем я предполагал. Я не собираюсь до свадьбы оставаться с тобой на ночь нигде, это первое. А второе — после свадьбы ты будешь жить в моем отчем доме, пускай моя семья научит тебя манерам. Иначе я точно тебя придушу.

— Тамерлан, ты, грязное животное. Верни меня домой. Они будут переживать!

— Тебя это только сейчас начало волновать? А когда ты

сбегала, об этом не думала. Ну что ж, доношу к твоему сведению информацию, твой брат и отец в курсе, куда я тебя везу. И никто тебя там больше не ждет, я не смог утаить и рассказал правду о твоём побеге. Они очень разочарованы в тебе, Зарочка, — с ехидством выплевывает, — Но я все же сказал им, что прощаю твою выходку. Они сжалились, но ты — позор семьи. И как только у тебя будет фамилия Арсанова, я не позволю тебе порочить нашу честь.

— Откуда в тебе столько гнили? Почему ты такой?

— Какой есть. Смирись.

Я вижу как напрягаются его мышцы на руках, он сильнее сжимает руль, до побеления костяшек, резко поворачивает руль вправо, и я больно ударяюсь о торпеду. Тру ушибленное место.

— Черт, еще же в аптеку, — с визгом шин тормозит у ближайшей круглосуточной аптеки, — Не смей дергаться. Я уйду на пять минут, не делай глупостей.

Он блокирует машину, оставляя меня в полной тишине. Его телефон, лежащий на панели, начинает звонить. Я отворачиваюсь, делая вид, что мне безразлично. Но на самом деле жутко интересно, кто так обрывает трубку.

Мимолетно бросаю взгляд, вижу имя женское на экране. Лена.

Это она? Та, с которой он будет спать будучи моим мужем?

Лена делает три попытки дозвониться, а потом начинает

забрасывать телефон сообщениями. Я хватаю в руки гаджет, коря себя за это. Но интерес настолько сильный, что я не могу сдержаться. Ну и может Лена мне сможет помочь?... Она же его любит, значит хочет выйти замуж за него.

Я понимаю, что это невозможно. Но ей об этом знать необязательно, пусть лучше теплит в себе надежду. Ее борьба за любимого мужчину может пойти мне на руку.

"Ты с ней????"

Я вижу в ее вопросе истерику и понимаю, что речь идет обо мне.

"Тамерлан, если ты женишься на ней, то я никогда больше не появлюсь в твоей жизни!".

Ох, девочка, ты шантажом своим только хуже сделаешь. Нельзя так с чеченским мужчиной. Не работает.

"Тами, я люблю тебя! Родной мой, не разрывай мое сердце в клочья. Мы пять лет вместе, я так ждала предложения руки и сердца. Почему она? Почему? Что в ней есть такого, чего нет во мне?".

Мне даже становится жалко девушку, пять лет ждать. Она глупая, во мне есть только одной — я чеченка. И увы, это не приобрести.

И сейчас, в эту секунда, да простит меня Аллах, я на секунду позавидовала Лене, что она может отказаться и ей ничего за это не будет.

Поток ее сообщений не заканчивается, она начинает перечислять лучшие и счастливые моменты, которые у них бы-

ли, призывая его вспомнить. Я кладу телефон обратно, там слишком личные вещи, чтобы я могла задержать свое внимание.

Тамерлан возвращается из аптеки, бросает мне на колени мазь, которую прописал Тагир. Молча заводит авто, и мы снова движемся в сторону центра города.

Пока стоим на светофоре, он берет свой телефон, его брови хмурятся, читая весь этот поток слов его женщины. Я хочу усмехнуться, замечая как меняется его выражение лица, но держусь. Зачем себя выдавать.

Он раздраженно отбрасывает телефон в сторону, устало потирая лицо, и я не удерживаюсь от колкого замечания.

— Какие-то проблемы? — вкладываю в свой голос максимально надменности.

Я никогда такой не была, но рядом с этим мужчиной по-другому нельзя. Не начну бороться, задушит.

— Закрой рот, Зара, — тут же осекает меня.

Закусываю губу, чтобы не засмеяться. Я вижу, как ему тяжело. И честно признаться, я рада этому.

Мы наконец добираемся до его квартиры, Тамерлан открывает с помощью дверного кода дверь в свою квартиру, и я удивляюсь современной системе. Пытаюсь запомнить комбинацию цифр, но он закрывает обзор своей широкой спиной.

Он довольно грубо хватает меня за локоть и вталкивает в квартиру.

— Разберешься тут. Еда есть в холодильнике, завтра с утра привезу еще. Зара, и помни, без глупостей.

— Скажи мне код от двери. А то я не смогу выйти.

Он хмыкает, прикладывая руку к своему подбородку. Смотрит на меня с прищуром, и догадка окутывает меня как ушат ледяной воды.

— Ты не посмеешь! — кричу ему, — Нет!

— Доверия у меня к тебе нет, Зара. До свадьбы ты отсюда не выйдешь, — он намного быстрее меня, я не успеваю сориентироваться, как входная дверь хлопает, и я слышу характерный звук щелкающего механизма.

Стучу кулаками по двери, дергая ручку.

— Открой! Не смей! Я не заложница.

Но в ответ тишина.

Подбегаю к окну, но затея абсурдная. Двадцать седьмой этаж. Здесь только в лепешку разбиться можно, тем более выступов нет, панорамные сплошные окна.

Падаю на пол, стуча кулаками по нему со всей силы.

Будь ты проклят, Тамерлан Арсанов.

Дорогие читатели!

Приглашаю вас в новинку в соавторстве с Селин Саади.

<https://litnet.com/ru/reader/nevernyi-zhestokie-chuvstva-b462723>

Неверный. Жестокие чувства

Аннотация:

— Хочу других женщин, можешь себе представить?! Я не требую развода. Ни в коем случае не оставлю детей, но тебе нужно это принять.

— За что ты так с нами? — ошарашенно шепчу.

У нас двое детей, за плечами семнадцать лет брака, а муж понял, что хочет других женщин...

Глава 10. Зара

Слоняюсь по квартире Тамерлана как обезумевшая, скидывая все вещи на пол. Бьюсь в немой ярости. Ненавижу это чудовище.

Кем он себя возомнил? Почему позволяет себе такое? Он даже еще не муж.

Не жалею чужие вещи, разбивая стекло зеркала и бросаю туда его одежду, прямо в осколки. Мне плевать, что он подумает.

Пусть думает, что я больная. Что неуравновешенная... Лишь бы исчез из моей жизни.

Телефон раздражающей трелью раздается по всей комнате, оглушая. Бросаюсь к нему, зарядки осталось мало. Мурад. До боли закусываю губу, боясь брать трубку.

Мурад. Брат. Я его боюсь. Он в гнев страшен. Однако, лучше гнев брата, чем заточение в квартире этот урод.

— Мурад, — кричу в трубку, — Забери меня!

— Зара, — его голос холоден, отстранен, — Ты маленькая дрянь. Почему? Объясни мне почему ты так ненавидишь нашу семью?

— Что ты несешь? — шепчу, крепче сжимая телефон.

— Тогда почему мы все должны страдать от позора? Я всегда говорил отцу, что ты заслуживаешь удары плетью. А тебя только в жопу целовали. Каков результат?

— Ты мой брат... Неужели меня совсем не любишь?

Слезы от его ранящих слов скатываются по щекам. Удары плетью... Разве такое желают родной сестре? Разве так братья защищают сестер?

— Зара, муж тебя усмирит. Угмонись. Ты создаешь большие проблемы.

— Мурадик, — оседаю на пол, призывая брата к адекватности, — Ты любил хоть раз? Можешь себе представить, если твою любовь будут бить плетями? если над ней будут издеваться?

— Если она заслужила, то да, Зара. Где ты сейчас?

Я в ужасе расширяю глаза. Что значит, если заслужила?

— Он запер меня в своей квартире. Сказал, что до свадьбы я отсюда не выйду. Но ведь я даже не готова к свадьбе... Нет платья, туфель. Ничего нет.

Я решаюсь слукавить. Брата моей болью не пронять, он таких же нравов как будущий муженек. И если бы он не был родным... Я бы его также ненавидела. Но не могу. Люблю свою семью больше жизни.

— Не думаю, что это проблема.

— Прошу тебя. Я клянусь, я буду покорна. Вы даже меня не услышите, только вызвали меня отсюда. Пожалуйста.

— Нет, Зара. Я не стану тебе помогать.

— Но я должна готовиться к свадьбе, я же должна быть самой красивой. Мурад, я обещаю лично тебе. Ни шага из дома без матери не сделаю.

— Черт, — ругается, — Хорошо, Зара. Но только попробуй... И я тебя уничтожу лично своими руками.

Выдыхаю воздух сквозь дрожащие губы. У меня еще есть время найти решение. Главное не оставаться в этом доме.

Я кладу трубку, прислонившись к стене. Вспоминаю все счастливые моменты из жизни, подпитываясь ими, как топливом. Мне нужны силы, чтобы противостоять. Неверный шаг... И все. Шансов больше не будет.

Но я не хочу становиться Арсановой. Я не хочу быть игрушкой в руках этого животного. Потому что мне кажется невозможно так ненавидеть никого, как ненавижу я Тамерлана.

Осматриваю погром и ничуть не жалею о сделанном. Плевать.

Не знаю сколько времени проходит, пока я просто бездумно хожу по квартире. Пока меня не отвлекает звук дверного звонка.

Я подпрыгиваю на месте от неожиданности. Тамерлан бы не стал звонить.

Может мне помогут...

На носочках крадусь к двери, на экране высвечивается силуэт. Я не могу понять кто за дверью.

— Тами, любимый. Пусти меня, открой. Давай поговорим, — ее голос я слышу впервые, но понимаю, что это Елена.

Она звучит надрывно, с болью. И я не понимаю ее совсем.

Как можно страдать по такому чудовищу. Как его можно любить.

— Я все тебе прощу. Только не уходи от меня. Я не смогу, — ее плач с надрывом, и мне жаль, что он не слышит, как его любовь убивается здесь. Почему приходится это слышать мне.

— Лена, — прочищаю горло, обращаюсь к девушке.

Это унизительно, но сейчас мне плевать.

— Что ты там делаешь? — она прикладывает руки к двери, стуча со всей силы, — Ты с ним? Да?

Плач становится громче. Господи... Как же она страдает, было бы по кому.

— Лена, дыши. Его тут нет, я одна. Прошу тебя, помоги. Ты хочешь вернуть его себе, а я не хочу за него замуж. Мы не враги друг другу.

— Я не верю тебе, — ее плач затихает.

— Это правда. Этот брак липовый. Он нужен нашим семьям, но не нам. тамерлан не пойдет против семьи, но я не хочу. Слышишь, Лена? Не хочу быть его женой. Это твое место.

Я вру ей. Он никогда на ней не женится, потому что она русская. Но сейчас я думаю в первую очередь о себе. Тем более, Лене эти слова важны, она все равно никогда не примет правду. Не поймет.

— И что я должна сделать? — она становится заинтересованной.

— Ты знаешь код? Просто выпусти меня отсюда. И я исчезну навсегда из вашей жизни.

— Ты не врешь?

Она все еще сомневается. Но ей явно терять нечего.

— Нет, Лена. Не вру.

Отхожу от двери, когда девушка молча набирает код с той стороны. На моем лице даже появляется улыбка от понимания того, что спасение пришло оттуда, откуда его не ждали.

В предвкушении свободы заламываю пальцы, дверь распахивается, и я сдерживаюсь, чтобы не наброситься на девушку с объятиями.

Она осматривает меня с ног до головы, слегка пренебрежительно.

— Спасибо, — киваю ей, наспех надевая обувь.

Она ловит меня в дверном проеме, когда я уже порываюсь выйти из квартиры.

— Он мой, — для пущей убедительности повторяет.

— Твой, — сочувственно улыбаюсь ей и подхожу к лифту.

Кнопка с первого раза не нажимается, и я еще больше нервничаю. Времени мало. Пятый, шестой... Лифт поднимается медленно. Я отслеживаю красный индикатор с номерами этажей.

Наконец створки открываются и я делаю шаг. Шаг в объятия своего страха.

Мурад с Тамерланом внутри кабины. Один смотрит исподлобья, другой уничтожает взглядом.

Я понимаю, что теперь конец. Не просто моей свободе.
Мне конец.

Глава 11. Зара

— Далеко собралась, сестренка? — мужчины выходят из лифта, и я в испуге пячусь назад.

Тамерлан молчит, буравя мое лицо многообещающим взглядом. Позволяет Мураду начать процесс воспитания.

— Зара... До чего же ты... — я вижу, как Мурад подбирает слова. Если здесь не было бы посторонних, он бы не стал подбирать выражения.

— Тами, — Лена снова плачет, выходит из квартиры и прислоняется к стене, бросая взгляд на любимого мужчину.

В любой другой момент я бы посочувствовала девушке. Но она любит это чудовище... И я ее не понимаю.

— Лена, что ты здесь делаешь? — зло чеканит, подходя к девушке и хватая ее за локоть, — Мы кажется по телефону все обсудили.

— Твоя невеста не хочет за тебя замуж, Тами. Ты не нужен ей. Так останься со мной, родной мой, — она не слышит мужчину, кладет ладонь ему на щеку, поглаживая.

— Лен... — ему неудобно перед Мурадом. И я решаюсь заговорить.

Зря.

— Видишь, брат, у этих двоих любовь. Ну зачем вы с отцом так поступаете? Не будет мне там счастья, — я подхожу к Мураду, преданно заглядывая в глаза.

Ну увидь же в них боль. Неужели тебе совсем плевать?

Мурад молчит, раздувая ноздри и пуская воздух. Я вижу, как он сжимает кулаки, как сдерживается. Но продолжаю говорить...

— Я обязательно встречу достойного мужчину, чеченца. Он вам понравится, я обещаю. И выйду замуж по любви. Мурадик, ну пожалуйста...

Я не успеваю даже опомниться, как тяжелая рука опускается на мое лицо. Скулю от боли, свалившись на бетонный пол. И сколько мне придется валяться у всех этих людей в ногах?...

Где я потом найду свое достоинство?

Прикладывая руку к горячей щеке, Лена вскрикивает, но не решается комментировать.

Моя губа разбита, кровь капает вниз. И я снова получаю удар. Больно. Нестерпимо. А главное не понимаю... За что?

— Остановись, — строгий голос жениха прекращает издевательства брата, — Не смей трогать мою невесту.

— Я воспитываю ее, Арсанов! — Мурад переходит на крик, — Эта дрянь извела всю семью. Я уничтожу ее.

Он снова кидается в мою сторону, но Тамерлан преграждает ему путь.

— Еще раз тронешь Зару, и мы будем говорить по-другому. Она будущая Арсанова, и я не позволю оставлять на этом теле увечья.

Надо же... Какое благородство. Он просто хочет оставить

как можно больше живого места для себя. Чтобы ему было куда бить.

Не верю в его рыцарство. Тамерлан плохой человек. Но и брат... Мурад упал в моих глазах.

— Я хочу поговорить с сестрой наедине, — чеканит Мурад, — Она еще не все поняла.

— Не сегодня! — Арсанов толкает его в грудь, и я переживаю, как бы не завязалась драка.

Ведь все начнут винить меня. И тогда я точно не отмоюсь от позора. Не знаю, ради кого я это делаю... Ради любимой мамочки или отца, который не хочет меня слышать. Но я вскакиваю и встаю между мужчинами лицом к Тамерлану.

— Прошу тебя, не надо. Я все поняла, — говорю вкрадчиво, чтобы было слышно только ему, — Я обещаю, что вернусь в эту квартиру и буду сидеть тихо.

— Я не верю не единому твоему слову, Зара! — он наклоняется к моему уху, касаясь носом моего виска.

Зажмуриваю глаза от неожиданной близости.

— Я правда без твоего ведома не сделаю ни шага из этой квартиры.

Он на секунду задумывается, и воздух между нами накаляется.

— Это в последний раз, Зара. Еще одна такая выходка... И ты помнишь, что я могу сделать. Площадь позора тебя ждет.

Киваю, сглатывая ком, и отхожу подальше.

— Тами, что все это значит? — Лена пищит, пуская горючие слезы. Она в шоке от увиденного. Уверена, что девушка воспитывалась в тепличных условиях, — Ты правда на ней женишься?

Она с пренебрежением смотрит в мою сторону.

— И все твои слова любви были пустыми?

— Лена, прекрати! Зачем ты пришла? — он кричит на нее, и она вжимается в стену, — Я не звал тебя!

— Прости, Тамерлан, что потревожила... Я видимо слишком сильно тебя люблю. А ты... А ты нет.

Она сбегает вниз по лестнице, и я жду, когда он побежит за ней. Но он лишь смотрит вслед.

Провожает ее взглядом, и теперь мне больно за нее. Если бы я так сильно любила человека, и он со мной так поступил... Я бы не выдержала этой боли.

— Зара, зайди обратно. Нам с твоим братом нужно обсудить кое-что, — Тамерлан указывает на дверь.

Я уже открываю рот, чтобы ответить. Но...

— Не смей сейчас говорить! Зашла быстро внутрь, — проговаривает каждое слово по слогам, и я мельком кидаю взгляд на Мурада.

Он кивает мне, чтобы я слушалась Арсанова. Что ж... С Мурадом мне тоже больше не о чем говорить.

Захлопываю за собой дверь и спускаюсь вниз, обхватывая колени. Плачу совсем аккуратно, губа саднит, к щеке не прийтронуться.

И обидно... Просто обидно, что Мурад перешел эту черту. Я не уверена, что смогу простить брата. Может потом, когда-нибудь. Но он вряд ли попросит прощения. Не в его характере.

Спустя десять минут дверь открывается, и Тамерлан заходит внутрь. Он проходит мимо меня, становясь спиной ко мне.

Закладывает руки в карманы, отчего его спина становится широкой.

— Больно? — вопрос неожиданно заполняет пространство. Мужчина все еще не поворачивается.

— Нет, — вру.

— Врешь, — усмехается.

Он уходит куда-то, и я с облегчением выдыхаю. Но ненадолго. Потому что через пару секунд его фигура появляется снова в коридоре с аптечкой в руках. Он подходит ко мне, присаживаясь на корточки, и я отшатываюсь в страхе.

— Давай я обработаю, — выглядит так, словно между нами нет вражды.

— Пошел к черту. Только под дулом пистолета я позволю тебе прикоснуться к себе.

— Пой-пой, птичка, — его забавляет ситуация, — До первой брачной ночи, Зара.

Смотрю ему прямо в глаза, а там беснуется голубое море. Море порока и власти.

Глава 12. Зара

— Какая ты у меня красавица, Зара! Девочка моя, — мать расправляет фату, приглаживая шелковую ткань, струящуюся вниз по спине.

Хочу улыбнуться в ответ родительнице, но получается очень вымученно. Как и все мое состояние... Дурно и удушливо.

Губа саднит от недавних увечий, но визажист умело замаскировала всю правду на моем лице. Боюсь, если буду сильно натягивать губы в улыбке, то трещина лопнет и пойдет кровь.

— Ты грустная, дочка...

Мама переживает, ее можно понять. Она чувствует любое мое настроение. Однако, мои просьбы, абсолютно все, были проигнорированы. Каждым членом семьи.

— Давай поговорим? — возможно, она чувствует свою вину. Поэтому так рьяно пытается залезть мне подкорку и разрешить ситуацию. Но решения нет и не будет.

Потому что мое единственное желание никто не выполнит. Свободу мне не дадут.

— Мам, не нужно, — убираю аккуратно в сторону ее руку, которой она тянется ко мне, чтобы погладить макушку.

Я не хочу намеренно сделать ей больно или как-то задеть... Просто абстрагируюсь от всех.

— Я знаю, ты злишься. Но поверь, мое слово ничего бы не решило. Отец с Мурадом приняли такое решение давно, — она опускает голову, и укор совести вспыхивает внутри.

— Мам, отец всегда к тебе прислушивался. Неужели ты даже не захотела попытаться? Я же твоя дочь... Которую вы выдаете за мужчину... Мам, ну мы не любим друг друга.

— Дочь, я уверена, что ты сможешь полюбить Тамерлана. А вот то, что он по уши влюбится в тебя, у меня даже сомнений нет.

Никто не хочет меня слышать. Словно мой голос настолько тих, что я не могу даже докричаться. А внутри уже не просто крик, там вой, рев... И он не слышен.

— Нет, ты ошибаешься. Не будет любви. Ни с моей стороны, ни с его. Зато сколько боли принесет этот брак каждому... Это мы еще увидим.

— Ну что ты такое говоришь, Зара?

Не знаю, почему родительница решила закрывать глаза на очевидные вещи. Ну что ж, придется бороться самой. Со всем этим.

— Оставишь меня ненадолго одну? — улыбаюсь, а в глазах печаль.

Мать кивает и выходит из комнаты.

Сажусь на диван, шурша пышным платьем. Срываю ненавистную фату, отбрасывая дурацкую ткань подальше. Час...

Остался час, и я стану Арсановой. Какая же боль внутри меня сидит... Это не передаваемо.

И все же, я даже не представляю, что будет, когда этот нарыв прорвет.

Сжимаю телефон в руке, как последнюю надежду. Я снова попытаюсь убежать, в последний раз. И если не выйдет, то значит так тому и быть.

Третий. Решающий.

Арсанов будет в бешенстве, когда узнает, кто мне помог. Но мне плевать. Я просто надеюсь, что этот мужчина никогда не появится в моей жизни.

Слышу стук в окно, благо комната невесты находится на первом этаже. Подбегаю к оконной раме, распахивая ее настежь.

Лена кидает мне в руки рюкзак с одеждой, забираясь внутрь.

— У тебя пять минут, — быстро говорит, пытаюсь отдышаться, — Машина за углом. Мой знакомый отвезет тебя на автобусную станцию. Дальше сама. Тут деньги на первое время.

Она вкладывает в мою руку небольшую сумму, потому что своих сбережений у меня нет. Я смотрю в сияющие глаза молодой женщины, и правда хочу радоваться за нее. Но как же все это глупо.

Она думает, что если я исчезну, то он будет с ней. Но ему найдут другую... чеченку. И Лена никогда не займет место рядом с ним, по крайней мере официально.

— Он приходил ко мне в ту ночь, — вдруг говорит она,

пока я переодеваюсь, — Мы не сомкнули глаз. Он ласкал, любил... Почему только за закрытыми дверьми он так открыт, Зара?

Не знаю, почему она решает пооткровенничать со мной, но каждое слово убеждает меня в том, что я делаю все правильно, сбегая подальше от этого кошмара.

— Я надеюсь, что ты встретишь более достойного человека, Лена.

Поглаживаю ее по плечу, поддерживая.

— Ты не понимаешь... Я не хочу другого, только его. Он самый лучший.

Не понимаю, почему она так унижается. Ведь он растоптал ее чувства, ее гордость, ее волю. Пользуется и играет ей как хочет. Почему женщины так слепы, когда дело касается любви?

Почему она не видит, что нет у них будущего...

Хочу помочь ей, ведь она мне помогла, хоть и преследует свои цели. Но вряд ли она правильно поймет мой посыл.

Поэтому я просто на прощанье обнимаю девушку, слегка целуя в щеку.

— Будь аккуратна, — она машет мне рукой, пока я вылезаю из окна.

— Лена, — зову ее напоследок, — Сделай так, чтобы он забыл обо мне. Навсегда.

— Он уже завтра о тебе не вспомнит, — четко проговаривает сквозь зубы, уверенно поднимая подбородок вверх.

Выдыхаю и спрыгиваю. Сразу юркаю в высаженные плотной стеной туи, пробираясь ближе к выходу. Ясное дело, что там везде охрана.

Однако, есть лазейка. Вчера вечером, пока я прогуливалась, увидела, что сторожевой пес роет яму, делая себе подкоп.

И моя маленькая худощавая фигура как раз должна пролезть в место, которое явно было предназначено для косточек.

Жаль пес не знал, что выступает соучастником в моем побеге.

Нахожу эту яму, она вечером казалась больше, поэтому я падаю на колени и расчищаю руками, углубляя проем. Опускаю сначала ноги, просовывая их максимально вперед, а потом ложусь всем корпусом, чтобы аккуратно пролезть под забором.

Двигаюсь всем телом, как солдат. Аккуратно, не резкими движениями, подгоняю себя вперед.

И мне удастся. Встаю на ноги, отряхиваясь от песка и грязи. На улице все же не май месяц. Просовываю следом рюкзак и выбегаю на дорогу.

За углом стоит неприметная машина, обычно на такой приезжают таксисты. Какая-то старая KIA.

Сажусь внутрь, складывая рюкзак на коленях.

— Вы от Лены? — парень резко бодрится, заводя машину.

— Да, на автобусную станцию, пожалуйста. И если мож-

но, то чуть быстрее, — смотрю по сторонам, чтобы оценить обстановку.

Но пока меня никто не ищет. Это хорошо...

Парень заводит машину, и мы срываемся с места. Мое сердце гулко бьется от страха. Я же прекрасно понимаю, что если меня в этот раз остановят и найдут, то это будет конец.

Такое не простят. Это позор на всю жизнь.

Жаль, что приходится попрощаться с семьей. Я уверена, что вернусь к ним... Когда-нибудь. Когда все забудется, если это случится, конечно.

По маме буду сильно скучать, по отцу, по Адаму... Даже по Мураду. Он ведь брат.

Мы выезжаем на трассу и становится чуть легче, потому что от дома мы далеко. И даже если меня уже ищут, то пока они они сядут по машинам, пока решат где меня искать, я уже буду в автобусе ехать в другой город.

Глава 13. Тамерлан

— Что ты здесь делаешь? — я влетаю в комнату невесты, откуда должна была выйти Зара десять минут назад.

Но никто не вышел, более того, когда ее мать пошла за ней, то оказалось... Что там, блядь, вообще никого нет.

Больше всего в этой жизни я ненавижу две вещи: когда я не владею ситуацией и когда меня держат за дурака. В данном случае побиты все рекорды. Я подозревал, что с этой строптивой девкой будут проблемы, но чтобы такие... Муррад клялся, что его чертова сестричка будет тихой и покорной. Мне и нужна была такая жена!

Но ощущение, что меня обвели вокруг пальца, нагло соврали, подсунув суррогат покорной женщины. Она непослушная, она острая на язык и она совершенно точно меня раздражает.

И я хотел сорвать эту чертову свадьбу уже трижды, но что-то меня остановило. Я не мог понять, что... Но каждый раз, когда моя рука зависала над телефонной трубкой, чтобы позвонить и отменить, я этого не делал. Сразу вспыхивали ее лазурные глаза перед лицом, и я не мог.

Лукавить, что Зара некрасивая я не буду. Но красоты мало... Особенно, когда у девчонки такой скверный характер.

— Тами, — Лена вскакивает с тахты, поправляя короткое платье, и зверь внутри меня раздраженно рычит.

Почему эта женщина не понимает, что нельзя приходить сюда вот так нагло, еще и в таком одеянии!

— Выйдете все! — рывкаю на охрану, они тут же как тараканы разбегаются по углам. Мурад прожигает взглядом Лену, отчего девушка тушуетсся.

Собственнические замашки дают о себе знать, и я прячу полуголую девицу за своей спиной. Она хоть и игрушка, которой я наплел о чувствах... Но моя!

— Мурад, ты тоже, будь добр, выйди!

Он стоит, не шевелнувшись, чем заставляет моего зверя рычать и вырываться из клетки.

— Где моя сестра? — чеканит сквозь зубы, держа своим взглядом Лену словно на мушке. Я вижу его ярость, потому что понимаю его как никто.

Мы похожи... Только Мурад жесток и не всегда справедлив, я же стараюсь много анализировать прежде чем что-то сделать. Но не с Зарой. С ней анализ трещит по швам, а любое адекватное принятие решения не работает. С ней ничего не работает.

— Она, — Лена пищит, хватая меня за руку и сжимая ее. Ждет, что я в ответ сожму, но нет, я зол, — Она уехала.

— Куда? — я не поворачиваюсь в ее сторону, медленно произнося по слогам. Чувствую тепло женского тела, как она жметсся ко мне.

Мне нужна разрядка, нагнуть бы ее сейчас прямо здесь, задрать это отвратительное платье и стянуть трусики вниз к

щиколоткам. Войти по самые яйца, чтобы упереться в матку и заставить ее кричать от удовольствия с привкусом боли.

Но Зара... Я должен ее найти и вернуть. Почему? Забил бы хер и пустил на все четыре стороны. Но не могу!

Не могу я ее отпустить! Тянет.

Но не как к желанной женщине, а как к человеку, которому я хочу показать, где ее место и что она должна слушаться! Никто не смеет не слушаться меня.

— Я не знаю, она просто уехала.

За годы, проведенные с этой покладистой кошкой, я неплохо научился разбираться, где она врет, а где говорит правду. Поэтому каждое ее слово, произнесенное пухлыми сделанными губами — это ложь.

— Если ты не скажешь, где моя сестра, то я пушу тебя по кругу своим друзьям! — Мурад угрожает, и Лене бы стоило бояться. Потому что он редко, когда кидает слова на ветер.

Но все же заступаюсь за девушку. Она не чужая мне.

— Полегче!

— Тогда разберись, Арсанов! — он переходит на грубый тон, и мы смотрим друг на друга, набычившись и распрямив грудь.

— Лена, скажи куда делась Зара, и я обещаю, что тебя никто не тронет, — сжимаю холодную ладошку, поглаживая кожу, покрытую мурашками.

— Но... Тами, неужели она важнее, чем я? — ее оленьи туповатые глаза бесят, эти женские слезы и манипуляции не

работают.

Но я делаю вид, что мне есть дело до нее. Аккуратно заправляю выбившуюся прядь волос за аккуратное ушко.

— Ну что ты, я просто верну девушку брату, и все закончу, — мой вкрадчивый шепот долетает до ее ушей, — Я не могу не вернуть девушку. Это моя обязанность.

— Ты правда просто ее вернешь семье и все закончится? — она трепетной ланью жмется ко мне.

— Конечно, — я вру.

Да!

Я, мать его, нагло вру. Потому что как только я найду Зару, то я не отпущу ее больше ни на шаг. Привяжу к себе цепями, закую в кандалы.

Но она станет моей женой!

— Она уехала на автобусную станцию, но какие дальше планы у нее, я не знаю...

Как легко расколоть орешек.

— Братья, — зову охрану, — По машинам. Ройте везде, но чтобы завтра она уже была здесь.

— Я сам поеду сестру искать! — Мурад выходит из комнаты, и я понимаю, что если он найдет ее первым, то уже не отдаст мне. Они могут аннулировать свадьбу.

Я упустил девчонку. Недопустимо. Она исчезла из моего дома.

— Я сам! — останавливаю его, — Я сам найду ее.

— Не уверен, что могу тебе доверять, — его взгляд полон

гнева.

— Я сказал, что найду!

Нет уж, позволить кому-то окунуть меня в грязь лицом...
Не выйдет.

— Тами...

Лена снова делает шаг ко мне навстречу, и я чувствую себя последней сволочью, когда прошу охрану вышвырнуть девушку из моего дома.

Так будет правильно. Женщина не должна доставлять столько хлопот.

Чувствую, как внутри рвет все на части, пока я лавирую в потоке машин, пытаюсь быстрее добраться до автобусной станции.

По приезде тут же сталкиваюсь с большим количеством людей, отчего отыскать девушку просто взглядом не получается. Иду к кассам, стуча костяшками пальцев в пластмассовое окошко.

— Да, — женщина в очках приподнимает брови, отодвигая засов, — Вы не видите, что у нас обед?

Чуть ли не в лицо мне тычет надпись.

— Я плевал на твой обед, — рычу, взглянув на нее так, что она тут же замолкает, — Эта девушка здесь была?

Открываю смартфон и захожу в галерею в поисках фотографии Зары. Единственное фото, которое мне прислал отец, когда сказал, кто будет моей женой. И я почему-то сохранил его.

Сам не знаю зачем... А теперь оно оказалось как нельзя кстати.

— Не было такой.

— А если внимательнее посмотреть! — стучу кулаком.

— Нет! — кричит в ответ, — У меня память на лица отличная. Не было, говорю.

Я психую, когда окошко закрывается перед моим лицом. Сжимаю в руке смартфон почти до хруста.

Куда ты делась, девочка?...

Глава 14. Зара

Я немного успокаиваюсь, когда переполненный автобус покидает черту города. Больше не приходится из-за страха и колотящегося сердца сжимать руки в кулаки на одежде, озираться по сторонам.

Конечно, мне придется сменить несколько автобусов, ведь, чем дальше я окажусь от столицы, тем больше шансов оказаться не пойманой. Однако, за грудиной свербит.

Мне больно и тошно от того, что я не скоро увижу свою семью, а возможно уже никогда.

Кто знает, как они отнесутся к моей выходке? Ведь это позор для всей семьи. Невеста сбежала со свадьбы, не оставив и следа. Не думаю, что отец легко эту новость воспримет, я для него предательница. Еще и Мурад обязательно масла в огонь подольет.

Поднимаюсь со своего сиденья, аккуратно пройдя по ряду вдоль сидений и направляясь к водителю.

— Девушка, ну не нарушайте правила! Сядьте на место!
— водитель тут же гневается, недовольно осматривая мою фигуру, — Нельзя ходить и стоять, пока идет движение.

— Простите, — я опускаю голову, — А через сколько ближайшая остановка?

— Часа два минимум.

— А что за город?

Когда я покупала билет, я не смотрела направление, мне неважно было куда, мне важно было как можно скорее. И села я в самый ближайший автобус по отправлению в расписании. Залетела туда за минуту до отбытия, заняв свое место.

Единственный человек, кто знал, куда я поеду — это кассирша, что продала билет. Но сколько у нее таких людей за день проходит. Даже если меня будут искать... Хотя не даже, а будут. Я надеюсь, она не вспомнит моего лица.

Водитель быстро называет город и гаркает мне, чтобы я немедленно села обратно. Я извиняюсь перед мужчиной, возвращаясь на место. Решаюсь немного вздремнуть, сказывается стресс и нервы. Поэтому как только моя височная зона касается холодного стекла, веки тут же тяжелеют и закрываются.

А открываю я их, когда ощущаю шевеление рядом и шум голосов. Сначала резко распахиваю глаза, немного испугавшись и не оценив обстановку, а потом понимаю, что мы прибыли в город, и большая часть людей выходят здесь.

Тоже быстро хватаю свой рюкзак и выбегаю, протирая глаза ото сна. Народу на автобусной станции много, все толкаются, шумят. И мне, как ребенку абсолютно тепличному, становится неуютно. Меня задевают за плечи, обходят, а я стою посередине и только мешаюсь.

Делаю глубокий вдох, собравшись с мыслями, и бегу внутрь зала ожидания. Этот город точно не моя конечная остановка. Слишком легко найти, довольно крупный. А я хо-

чу затаиться. Хочу туда, где меня не то, что не смогут найти, а даже не подумают искать.

— Простите, а вы не подскажите, в какой город самый дальний отсюда ходят автобусы? — я подхожу к девушке с ребенком на руках.

— Что? — она сначала не понимает, что я обращаюсь к ней. Улыбаюсь, натягивая измученную улыбку, подмигиваю малышке на руках, и снова задаю свой вопрос.

— А, ну так Владимир недалеко.

— А если еще дальше?

— Ну, Казань. А у вас что-то случилось? .

— Нет. Просто путешествую по России, — для пущей убедительности демонстрирую свой рюкзак.

— Ну тогда, да. В Казань автобус уходит через минут двадцать.

Благодарю женщину, бегу к кассам, чтобы успеть купить билет.

— Так закончились билеты, — новость неприятная. И что же делать?

— А когда следующий рейс?

Женщина устало трет переносицу, видимо в сотый раз за день отвечая на одни и те же вопросы, а потом просто поднимает голову вверх. Я следую ее примеру и вижу табло расписания. Тут же корю себя за серость.

Ну до чего же все просто, Зара... есть же расписание.

Но я росла в других условиях, и да, автобусы для меня —

это больше диковинка. Не то, чтобы я никогда на них не ездила. Ездила, конечно. Но с мамой или братьями. Не приходилось задумываться о таких мелочах, как билет или время отправления.

Изучаю внимательно табло, отмечая идею ехать в Казань. Потому что больше меня привлекают те названия поселений, которые мне неизвестны.

Снова возвращаюсь к кассам, покупая наконец билет в какую-то деревню. Женщина быстро пробивает билет и отдает мне через небольшое окошко.

Смотрю номер остановки, откуда через десять минут уйдет автобус. Забегаю в туалет на вокзале, покупаю ароматный пирожок и чай. Желудок сводит от голода.

Сразу иду на остановку, чтобы занять очередь и быстрее оказаться внутри. На улице уже шеренга из людей, поэтому примыкаюсь к ним, ожидая посадки. Через пару минут двери автобуса распахиваются и люди потихоньку заходят внутрь.

Поджимаю губы, моля внутренне, чтобы быстрее все это закончилось. Внутри нехорошее предчувствие, я озираюсь по сторонам. Но вроде все спокойно.

Может у меня уже паранойя. Ощущение, что все знают, откуда я сбежала. И что все за мной следят. Отмахиваюсь от дурацких мыслей, пока не слышу как на парковку одна за другой заезжают черные мерины. Застываю всем телом, замираюсь на секунду от страха и тут же резко распахиваю

глаза.

Я вижу, как выходит из машины Тамерлан, поправляя свой пиджак. Он отдает приказ одну из своих людей, и тот бежит внутрь вокзала.

Я бросаю взгляд на очередь, осталось чуть-чуть, и я окажусь внутри. Но что если он заметит меня... Я читаю молитву про себя, вспоминая все, что когда-либо учила.

Просто прошу отпустить меня. Не отдать ему в руки.

Тамерлан тоже времени не теряет, начинает подходить к людям и показывать что-то в телефоне. Я считаю до десяти.

А потом меня простреливает внутри. Я вижу, как Тамерлан подходит именно к той девушке с ребенком на руках, у которой я спрашивала про город.

Сглатываю ком отчаяние. Если конец выглядит так, то он настал.

Глава 15. Зара

Я запрыгиваю в автобус быстрее, чем его глаза находят меня. Потому что я вижу через лобовое стекло, как его взгляд попадает на наш автобус, прячусь за спиной крупного мужчины, протягивая билет водителю.

Тот смотрит на него, надрывая кусочек бумаги, а мне кажется он словно все знает и нарочито долго проделывает процедуру с проверкой билета.

Шаги Тамерлана размашисты, он идет в сторону автобуса, но благо другого. Чьи двери уже закрываются. Думаю, он мог предположить, что я там. Ведь я хотела уехать как можно скорее.

Он тормозит его, крича что-то водителю и прося открыть дверь. Люди Тамерлана залетают внутрь, в поисках меня.

— Господи, что там происходит? — какая-то женщина, что уже успела занять свое место, восклицает в ужасе.

— Может наркоконтроль? — еще один очевидец происходящего делает важный вид, словно знает ответы на все вопросы.

И только я притаиваюсь как мышь, забирая билет из рук водителя и протискиваясь к своему месту.

— Сейчас и до нас доберутся, — тот самый всезнающий поправляет очки на своем лице, качая недовольно головой.

Я молюсь, чтобы его слова не стали правдой. Пожалуй-

ста. Аллах, дай мне шанс. Дай просто возможность вырваться из лап зверя, найти свое счастье и благодарить тебя каждый день.

Я знаю молитву наизусть, поэтому прикрываю глаза, пронося ее в своей голове.

Рядом опускается бабулька, на вид ей лет семьдесят, а может больше. Она сухонькая, очень маленькая. Она раскладывает свои вещи под сиденьем, а их много. Две корзины, большая вещевая сумка и еще одна дорожная. Боюсь представить, как она это все дотащила.

— Давайте я помогу убрать вещи наверх? — предлагаю свою помощь.

— Нет, деточка, не люблю, когда мои вещи не рядом. Мне контролировать надо, там же банки, ягодки, грибочки маринованные да свежие. Пусть в ногах будут.

Она с такой теплотой говорит о своих продуктах, что я даже на секунду им завидую.

Улыбаюсь ей в ответ, не буду настаивать на помощи. Не все ее умеют принимать. И не все любят это делать.

— Так, ну все! По местам и поехали! — водитель командует, когда понимает, что и правда люди Тамерлана могут заявиться к нам. Тот мужик своим “наркоконтролем” явно взбудоражил публику.

Женщины на первых рядах без устали переговариваются, обсуждая увиденное. И только я знаю правду.

Только я знаю, что они ищут... Вернее кого.

Двери закрываются, пока тот автобус еще осматривают. Прощаясь взглядом с фигурой Тамерлана, он стоит в грозной позе, его руки расставлены по бокам, отчего пиджак задирается. Взгляд как у коршуна. Злится.

Пропажа не нашлась. Ускользнула прямо из его рук, птичка. И все пошло не по его плану.

Такие мужчины как Арсанов не любят, когда ситуация выходит из-под контроля. И я могу только позлорадствовать, что так вышло. Вообще, я добрый и отзывчивый человек. Не желаю людям зла и горя.

Но после пережитых унижений, лишения моих прав и свободы, когда за меня решили кого любить и с кем жить, я чувствовала с каждым разом как во мне разрастается ненависть и стержень. Он рос по мере того, как я давала отпор.

Поэтому внутри хоть и зияет дыра от боли, она крепко держится на этом стержне, не давая мне свалиться в омут горя и отчаяния. Словно спасительная палка, за которую я хватаюсь в бушующем море. Вот-вот и от потока волн она обломится, пуская меня в пучину событий, но я еще на плаву. Пока держусь.

В этот раз успокоиться мне не удастся. Потому что ощущение, что машины Арсановых уже следуют за нами попятам. Но это мои фантазии. Я оборачиваюсь назад так часто, что некоторые люди хмурятся от моего вечно любопытно-го взгляда. Может они думают, я какая-то болезненная, что кручу головой в разные стороны, следя за ними. Но мне пле-

вать на их мнение.

— Деточка, — бабуля рядом отвлекает меня от терзающих мыслей и паники, — На, покушай, горячий еще.

Она протягивает мне пирожок. Я смотрю на него, не спеша принять угощение.

— С картошечкой да лучком, вкуснота. Бери давай, — ее приказной тон вовсе не обижает, а только дарит теплоту о заботе этой незнакомой женщины.

Я все же принимаю из ее рук сдобу, тут же откусывая щедрый кусок жареного пирога. Это невозможно вкусно. Я даже не стараюсь спрятать наслаждение от еды, слегка постанывая.

— А то! — она цокает, — Это ж баба Нюра готовила.

— Кто? — с набитым ртом задаю вопрос.

— Ну кто-кто, — хихикает, подмигивая мне. Отчего в ее морщинистом лице я вижу кокетливую девочку, что не унывает никогда, — Я!

— Спасибо, это нереально вкусно.

Она гладит меня по плечу. И мы замолкаем обе.

— Тебя искали? — спустя минуты две она наклоняется ко мне и задает вопрос почти в самое ухо, тихо-тихо.

Я вздрагиваю то ли от тесного контакта, то ли от самого вопроса. Черт...

— Что? — еле шевелю губами, на которых еще ощущается масло от пирожка.

— Да не бойсь ты, — она снова гладит меня по плечу, —

Я видела, как ты испуганно смотрела в окно. Кто такие?

— Нет, вы ошиблись. Не знаю никого, — я отворачиваюсь к окну, губы начинают дрожать.

— Деточка, я не враг. Ты хоть куда едешь? Тебе есть куда? Я игнорирую бабу Ньюру. Я никому сейчас не доверяю. Никому...

— Ну ведь некуда, да? — она словно знает обо мне все..., — Поехали ко мне! Мне нужна помощница по хозяйству, а тебе скрыться. Моя деревенька далёка, от остановки еще один районный автобус пойдет, а там уж только частники ездят. Не будут тебя там искать, а если и будут... То в последнюю очередь.

— Зачем вы пытаетесь мне помочь? — все же поворачиваюсь к ней обратно.

— Да ироды эти, сгубили мою девочку. Доченьку мою. В семьдесят четвертом она ушла, а у меня до сих пор сердце болит без красавицы моей.

— Что случилось в вашей дочерью?

— Она была красавицей! Первой на селе. Мужики шею сворачивали, а я уже знала, что от такой красоты беду только и жди. И надо же, попалась она на глаза одному такому... Цыганский барон или Бог его знает кто там. Урод! Девочку мою женил на себе и вздоха без его ведома не разрешал делать.

Я вижу, как моментально грустнеют ее глаза. Как опускаются плечи. Ей больно вспоминать, хоть и прошло почти

пятьдесят лет.

— А дальше? — я, затаив дыхание, внимательно слушаю.

— Потом у этого... Башню начало срывать. Везде видел измену, думал она скачет по другим, а она ж дома безвылазно сидела. Детей их воспитывала. И вот он постукивать ее начал. Сначала так, что синяки не заметны были. А потом уже вдоволь наслаждался. Ну и все.

— Что все? — я леденею от ужаса.

— Все, — качает она головой, — Стукнул так, что моя девочка стала инвалидом. А потом и вовсе ушла. Не справилась с этим. Ведь он бросил ее, как только она в коляске оказалась. И она не справилась с болью.

— Она сама ушла?

— Сама, — баба Нюра достает платок, промакивая слезы, — С детьми видаться не давал, жизни не давал, сделал инвалидом, и она не выдержала.

Я сама замечаю, как начинаю переживать за незнакомого мне человека.

А что если... Если бы у нас с Тамерланом все же состоялась свадьба, и все пошло бы по похожему сценарию. Ведь такие как Арсанов жестоки и беспринципны.

Как же хорошо, что мне удалось сбежать. Как же я хочу, чтобы им не удалось найти. Я не хочу, как дочка бабы Нюры. Я не выдержу тоже.

Глава 17. Мурад

— Вы нашли мою девочку? — отец складывает руки на столе, грузно наклоняясь корпусом вперед.

Он в ярости. И я не меньше его... Понятно, что мы в ярости по разным причинам. Он уже несколько дней причитает, что идея отдать Арсановым Зару была изначально неправильной. Но я же...

Я злюсь на эту сучку. Ненавижу эту девушку всеми фибрами своей души. Она ворвалась в нашу семью как ураган, и пусть не контролируя того, она разрушила наши жизни. Поэтому что мы приютили это... Я просто ненавижу ее.

Мать отдала ей всю любовь и ласку, задвинув меня на задворки. Ревности нет, но я просто не понимаю, как можно было променять чистокровного сына на эту мерзавку.

Ее характер меня раздражал всегда. Еще в детстве ей было позволительно слишком многое... Например забирать мои вещи без спроса, шуметь, прыгать, бегать... Ей было можно все!

— Нет, отец, — опускаю голову, радуясь, что она пропала. Хотя... Если мне удастся найти Зару раньше Арсанова, я лично удавлю ее шею своими руками. С большим удовольствием.

— Почему? — он ударяет по столу ладонью со всей силы, — Мать в слезах. Мы не знаем, где наша дочь! Тебе совсем

плевать, Мурад?

— Нет, — вру. Потому что мне плевать. Но портить отношения с семьей я не намерен, — Она избалованная отец. Я предлагаю наказать ее, как только мы найдем...

Он перебивает меня, вставая с кресла и опираясь о стол двумя руками. Я слышу его рык, исходящий изнутри. Он как медведь... Готов наброситься и разорвать любого.

— Ты ее найди сначала! — шипит, чуть ли не брызжа слюной, — Найди мою дочь!

Я сцепляю зубы так сильно, что слышен их скрип, и хруст скуловых костей.

Так хочется ответить, вспылить. Тоже закричать, что не хочу искать эту мерзавку. Но я держу. Все держу в себе.

Дверь распахивается, и на пороге появляются двое мужчин. Тамерлан и старший Арсанов. Сзади мельтешит мать, вытирая белоснежным тряпичным платком слезы.

Страдает по...

— Руслан, это к тебе! — ее голос тих, словно из него пропала вся жизнь.

— Хорошо, дорогая, — он натягивает улыбку для матери, — Спасибо!

Ждет, когда она закроет дверь, чтобы начать мужские разговоры, от которых я жутко устал. Но мать не спешит уходить.

— Есть какие-то новости по Зарочке? — ее лицо сильно постарело. И мне больно видеть такой мать... И виновата в

этом...

Да! Да! Ненавижу!

— Родная, пока нет. Мы ищем, — отец подходит к ней, целуя руку.

— Хеда, — вдруг старший Арсанов начинает говорить, — Твоя дочь наделала шуму, но тем не менее, мой сын до сих пор желает ее сделать своей женой. А значит, она и часть нашей семьи. Мы найдем твою девочку.

Мать благодарит его, а я усмехаюсь про себя. Кидаю взгляд на Тамерлана, и он тут же ловит мой. Мы молча ведем диалог.

Зачем она тебе? Ты же невзлюбил эту девчонку почти также, как ненавижу ее я... Так почему ты решил оставить ее себе? Для чего?..

Тамерлан выдерживает мой напор, но ответа я не нахожу. Он закрыт, у себя на уме. И мне это не на руку. Если они поженятся, то я не смогу наказать Зару, потому что дотронусь рукой до семьи Арсановых.

Значит я должен найти ее быстрее, чем они. Чтобы не оставить и живого места на ее теле. И тогда... Арсановым она уже будет не нужна. Никому не будет нужна.

Мать наконец покидает кабинет отца, и мы остаемся вчетвером. Внутри гнетущая тишина ложится грузом на всех нас. У каждого много мыслей в голове, каждый думает о своем.

— Подкинули вы нам проблем, Руслан, — качает головой Азамат, — Но так даже интереснее.

— Моя дочь никогда бы не сбежала просто так, — отец до последнего ее защищает, — Если, конечно, ее никто не обидел, — кидает гневный взгляд в сторону Тамерлана.

— Я не трогал вашу дочь, — огрызается, — Я пытался усмирить ее характер. В ней нет покорности, уважения... Она как звереныш, огрызается и кусается. Разве так вы воспитывали дочь? Чья в ней кровь течет?

Отец на секунду замирает, боясь что его тайну узнали. Тайну нашей семьи. Но нет...

— Почему ваша дочь не унаследовала ваши манеры?

— Зара прекрасная девушка, но с ней надо ласково обходиться, сын мой, — отец садится обратно в кресло, — Ее можно приручить только любовью. А чем ты пытался взять мою девочку? Властью?

— Я не смогу полюбить ту, кто не умеет держать рот на замке.

Старший Арсанов усмехается, привлекая к себе внимание.

— Как раз такую, Тами, — он хлопает сына по плечу, — Только такую ты и сможешь полюбить. Ну что ж, оставим лирику на потом. Девочка пропала, и это факт. Мы не можем найти след... Нас все время возвращает в исходную точку. Вы знаете свою дочь и сестру лучше. Так куда она могла деться?

— Если бы я только знал, Азамат... Она дома любила быть, редко выходила гулять или с кем-то видется. Если

спряталась, то не сама, ей кто-то помог. А вот кто...

Отец устало трет глаза, отворачиваясь в сторону окна. На его столе стоят множество семейных фотографий. Но в первом ряду... Ее портрет. Любимица. Непонятно почему чужая кровь стала для него такой важной... Никогда не пойму и не приму этого.

— Мы с братьями поедem дальше искать, возможно она уехала в другом направлении. Но дайте мне неделю, и я верну ее.

Тамерлан так уверен в себе, что мне смешно. Потому что я планирую найти ее за три дня. Найти и уничтожить.

Мы еще на некоторое время остаемся обсуждать дела по бизнесу, а после спускаемся все вместе провожать Арсановых.

Я начинаю ощущать внутри какой-то адреналин, сердце бьется сильнее. Я слышу этот смех... До боли знакомый. Что звучит у меня в ушах каждый раз, когда я вспоминаю...

Кидаю взгляд на гостиную, наши взгляды пересекаются. Она тут же отводит свой, продолжая заливисто смеяться над шутками моего младшего брата.

Почему ты избегаешь меня, девочка? Ведь ты должна чувствовать, как я хочу коснуться тебя... Как ты мне нужна.

Почему я тебе не нужен... Я хочу быть важным для тебя.

— Отец, — Адам жмет всем руки, а моя Раяна встает с дивана, отставляя кружку с чаем на столе.

Не могу оторвать от нее взгляд. Моя красивая... До чего

же ты красивая.

Я вижу как алеют ее красивые щечки, и мои губы начинает покалывать от желания прикоснуться к ним.

И тут же мою теплоту топит ярость... Потому что я вижу руку брата, что незаметно касается ее локтя.

— Раяна, дочка, — отец улыбается дочери Арсанова, — Какая ты красавица!

— Спасибо, дядя Руслан. Как у вас дела?

— Сама понимаешь... Не до веселья, — пожимает он плечами.

А я не могу оторваться от нее. Хочется всех растолкать и коснуться. Прижать к себе. Утонуть в этих пышных иссиня-черных волосах. Но нельзя...

Глава 18. Зара

Залетаю в дом бабы Нюры, проношусь мимо нее ураганом и падаю на скрипучую пружинистую кровать. Реву белугой от накопившейся усталости и страха вперемешку.

Как же хочется повернуть время вспять, когда не было этого проклятого замужества, не было Арсанова в моей жизни.

— Детка, что случилось? — она поднимает с пола авоську с продуктами.

— Баба Нюра, вы простите меня, — от слез я начинаю заикаться, — Но я не смогу с вами жить. Мне придется уехать.

— Что ты такое говоришь?

— Я не могу... Меня найдут очень быстро. Я глупая, я не умею прятаться. Я ничего не умею... Наверно мой удел быть покорной женой и молчать в тряпочку...

— А ну ша! — баба Нюра поднимает руку вверх, жестом прекращая мою неконтролируемую истерику, — А теперь давай по порядку.

Я тараторю, выкладываю о встрече с Алексеем. Что он сразу рассекретил меня, понял, что я в бегах. Старушка внимательно меня слушает, кивая головой.

И когда я заканчиваю свой рассказ, она молчит.

— Баб Нюр?

— Ну ирод какой, ты погляди... Да уж, не ожидала от

Лешки! Вот что город с человеком делает.

— Да нет, он прав. Это я расхаживаю тут по деревне в дорогих шмотках, разговариваю как не местная. С такими темпами Тамерлан уже будет на пороге вашего дома завтра.

— Тамерлан? — изгибает бровь.

— Мой жених, — опускаю голову, — Вы видели его в окно автобуса.

Она понимающе кивает, похлопывает меня по ладони и встает с кровати, отчего та неприятно скрепит, а пружины сжимаются.

— Сырники умеешь делать?

— Нууу, у нас в семье такое не едят, но я пару раз пробовала в кафе. Думаю, что справлюсь.

— Ну вот и славно. Сделай-ка пока сырничков, а я вернусь скоро.

— А вы куда? — вскакиваю с кровати, когда баба Нюра начинает двигаться к выходу.

— Я вернусь, девочка. Ничего не бойся!

И ее голос звучит так уверенно, так бойко, что я верю ей. Улыбаюсь скупой, но что способна сейчас. Она надевает на свою голову платок, очень красивый, расписной. Накидывает пальто и выходит.

Остаюсь в тишине одна, слышен только звук настенных старинных часов с кукушкой. Оглядываюсь по сторонам и делаю шаг в сторону небольшой кухни. Теряюсь от того, что там не плиты... А как же сырники жарить.

Сковородка стоит на белой небольшой домашней печке, на которой расположена железная платформа.

Ну я с такими темпами дом подожду... Решаюсь все же налепить сырников, но печь разжигать без бабы Нюры не стану. Я, конечно, со спичками управляться умею, но не так профессионально. Да и кто ж знает, где дрова лежат...

Лепка сырников занимает время и отвлекает меня от плохих мыслей. Я что-то напеваю себе под нос, успокаивая нервную систему. И напрягаюсь, когда дверь в предбаннике распахивается. Слышу мужской голос и на секунду сжимаюсь от страха, но следом слышу уже звонкий голос моей спасительницы.

Баба Нюра заходит на кухню... С Алексеем. Он замирает в дверном проеме, отодвигая старенькую занавеску, что служит здесь дверью. Смотрит прямо мне в глаза, а я смущаюсь. Снова.

Потому что слишком пристально смотрит этот парень.

— Ну чего встал? — баба Нюра хлопает ладонью по его торсу, — Извиняйся. Девку мне хорошую обидел.

— Кхм, — он прочищает горло, выпячивает грудь вперед и басит, — Прости... Катя.

Имя свое я ему так и не сказал. Убежала, вырвав руку из захвата сильной ладони. Испугалась.

— Ну что, девочка, простишь его? Он не со зла.

— Да, — киваю, откладывая последний сырник в сторону, — Только вы никому не говорите, что я здесь, пожалуйста.

Мне кажется мой голос звучит с мольбой и столько в нем отчаяния.

— Не скажу, — он делает шаг в сторону печки, — Но переодеться все же стоит. Я могу дать тебе вещи сестры, она сейчас все равно в городе живет. А тут пару вещичек осталось.

— Спасибо, было бы замечательно.

Алексей присаживается на корточки, проверяет что-то в печке. Уходит и тут же через минуту возвращается с поленьями. Разжигает огонь в печи и закрывает дверцу.

— Поленья лежат в дровнице, — смотрит в упор на меня.

— Если честно, — как же стыдно, — Я не совсем уверена, что знаю... Что такое дровница.

Он зовет меня одним жестом руки, и я наспех сняв фартук, семеню за ним. Мы выходим на улицу, поворачиваем влево, и я тут же утыкаюсь в большую стопку дров.

— Это дровница, — констатирует факт, — Место, где хранятся дрова.

Ну ладно уж... Не такая я и тупая. Догадалась уже.

— Спасибо, — шепчу.

А он все продолжает смотреть, не отрывая своего взгляда. И как же это волнительно... Не знаю, почему.

Он наклоняется ко мне ближе... И ближе. Я начинаю волноваться.

Его лицо оказывается в сантиметре от моего, я вдруг понимаю, что он сейчас... Он что собрался меня целовать?!

От испуга выставляю руку вперед и отодвигаю его лицо от себя.

— Мне нельзя..., — пытаюсь объяснить.

— Нельзя что? — хмурит брови.

— Нельзя целоваться до свадьбы.

Он складывает руки на груди, хмурится... А потом разрывается в заливистом смехе.

— А кто собрался тебя целовать, девочка?

— Но... Ты...

— Что я? — посмеивается надо мной, — Я хотел убрать след муки с твоей щеки.

Он показывает пальцем в сторону моей левой скулы, я прохожусь рукой и на ней остается белый след.

Покрываюсь красной краской с головы до пят. Да уж, Зара...

— Ну вы даете... Городские, — он качает головой и заходит обратно в дом.

А я остаюсь на улице, пытаюсь проветриться от своего позора.

Глава 16. Зара

— Баба Нюра, мне так неудобно, — я кладу свой рюкзак на скрипучий матрас, осматриваясь по сторонам.

Дом бабы Нюры максимально отображает деревенскую жизнь. На стенах висят тяжелые ковры с орнаментом, на полу вместо ламината старые доски коричневого цвета с потерто-стями, окна хлипкие, слышно как продувает ветер, а щели заклеены скотчем.

Я не брезгую жить в таком доме. Здесь есть свобода, здесь хорошо, потому что никто мне не приказывает как жить и что делать.

— Да перестань, — она машет рукой, — Я от одиночества уже с ума схожу. Так что твоё присутствие мне только в радость.

Я улыбаюсь этой милой старушке, благодарю ее за помощь и отзывчивость.

— У меня не очень много денег, — аккуратно заглядываю в свой бумажник, достаю пяти тысячную купюру и протягиваю ей, — Это на первое время, я устроюсь на работу и...

Баба Нюра не дает мне договорить.

— Во-первых, деньги из рук в руки не передают, — ее тон строгий и кажется она немного оскорбилась. Но не буду же я жить бесплатно, — Во-вторых, тебе деньги еще понадобятся. Молодая девчонка. А мне на кой они, огород свой есть,

скотина тоже. Так что не надо мне тут ничего.

— А как же я могу вас отблагодарить? Вы ставите меня в неловкое положение.

Быть должной кому-то я не люблю. Отец всегда учил меня, что долги — это враги. Они будут всегда тебя скручивать по рукам и ногам, сковывая тело и душу.

— Ты убираться умеешь?

— Умею.

— А в магазин сходить сможешь?

— Конечно, — широко улыбаюсь.

— Ну вот, будешь по хозяйству помогать, а то у меня спина большая. А денег мне не надо... — она смотрит на оранжевую купюру, — От них одни беды. Ты вот что, сходи-ка в местный магазинчик, он тут через пару улиц. Нужно молочко свежее купить, там Никитична продает, да творожок. Только бери пожирнее, он вкуснее. А потом к Лешке Горлову зайди, детка, у него нужно яйца взять, десяток. А то мои куры не несут, дуры этикие.

Баба Нюра подробно рассказывает куда и к кому мне идти, я беру шоппер для продуктов, в народе авоську. Накидываю куртку и выхожу.

На улице тревожно, поэтому пока я иду, озираюсь по сторонам. Хотя вряд ли меня здесь найдут в ближайшее время, все же до деревни мы добирались окольными путями. Вышли на остановке, там пересели с рейсового автобуса на районный, старый. От района частники нас довезли до большой

деревни, а после только оттуда еще один частник довез уже до дома бабы Нюры.

Я знаю, что меня могут найти, где угодно. Но время у меня пока есть. Неделя... Может две. А может еще больше. И я обязательно что-нибудь придумаю.

Покупаю все по списку и иду в сторону дома Алексея за яйцами. Постоянно в голове прокручиваю мысли, они несутся потоком, и я не могу прекратить придумывать самые страшные сценарии.

Ведь если меня найдут, то вряд ли Тамерлан просто женится на мне, как планировал. Сначала площадь позора, как он и обещал. Потом унижения, во много раз больше, чем было.

А потом...

Я не хочу об этом думать, но оно само крутится и крутится.

Не замечаю, как дохожу до нужного места, стучу в калитку, не успевает пройти и минуты, как она резко распахивается.

На пороге стоит парень, высокий, может лет на пять старше меня. У него голубые большие глаза, блондинистые волосы и лучезарная улыбка. Я вижу, как он проходит своим взглядом по моей фигуре, потом смотрит на мое лицо. Я тушуясь от его интереса.

Да, мужчины часто обращают на меня внимание. Но так открыто, пожалуй, не каждый осмелится.

— Добрый день! — решаюсь первой заговорить, — Меня баба Ньюра за яйцами послала.

— Привет, — он хрипит низким голосом, — А ты кто?

Его вопрос довольно бестактный и слегка грубоватый, но я думаю, что для деревенских жителей такой формат вполне приемлим. Да и не до манер мне сейчас.

— Я... Катя, — улыбаюсь ему, пожав плечами, — Внучка бабы Ньюры.

— Нет у нее никакой внучки, — он складывает руки на груди, прищурившись.

— Ну как нет... А кто же я тогда?

— А я вот и не знаю, кто ты, — он делает шаг вперед, хватая меня за руку и резко дергает на себя.

От непозволительной близости захватывает дыхание. И я представляю, поймай меня в таком положении, Тамерлан или Мурад... Плохо было бы всем.

Я аккуратно пытаюсь высвободиться от рук парня, но он держит крепко. Я паникую, потому что мой нос почти упирается в его свитер.

— Не люблю, когда мне врут. Так знакомства не начинают, девочка, — он шепчет мне на ухо, и прикрываю глаза, потому что лицо покрывается красными пятнами от своего же вранья.

— Пожалуйста, дайте мне десяток яиц. И я уйду.

— Нет, — жестко чеканит и наконец отпускает меня, слегка оттолкнув от себя. Я пошатываюсь, но держу равновесие.

— Почему? — мне обидно. Ведь показалось, что он с интересом смотрел на меня, а оказывается он просто с недоверием отнесся к моей персоне.

— Потому что.

Я снова на грани расплакаться. Неужели я выгляжу так жалко, что мужчины позволяют себе со мной так обращаться? Словно я кукла, которую можно толкнуть, запретить, приказать...

— Я думала в деревне люди радушные, гостеприимные. Простите, что потревожила.

Держусь до последнего, снова надеваю улыбку, киваю ему и начинаю отходить в сторону.

— Стой!

От его гарканья я торможу.

— Правду скажешь? — он наклоняет голову вбок.

— Какую правду? — поджимаю губы. Да что он докопался до меня?

Если б я знала, что будет так сложно получить эти дурацкие яйца...

— Ну хорошо, давай по-другому. Может баба Нюра и верит кому попало, а я вот к людям с осторожностью отношусь. На тебе брендовые шмотки, выглядишь ты как городская. Причем из крупного города. Разговариваешь также. И врешь, что внучка бабы Нюры. Так что ты на самом деле здесь делаешь, девочка?

— Знаете, вы хам. И это вас не касается.

Злюсь на саму себя. Дура. Надо проще общаться с людьми, чтобы сойти за местную. И что теперь делать? Он же не станет обращаться в полицию или куда-то еще... Господи, когда же эта полоса неудач закончится...

Вытираю одинокую слезинку рукавом куртки, отходя от дома. Иду медленно, потому что ужасно устала. От всего.

Пытаюсь понять, кому я могла так насолить... Что все беды и несчастья разом свалились на меня. И главное... За что?

— Эй, — Алексей хватает меня за руку, разворачивая к себе, — Ты плачешь?

— Нет, — прячу свое лицо.

— Плачешь, — утверждает, — Расскажешь честно, что у тебя случилось и почему ты здесь? Я должен знать, что в моей деревне происходит... Если за тобой придут, я хочу понимать, прятать тебя или нет...

Я в шоке смотрю на него. А в голове тут же поселяются тысячи вопросов. И кто на самом деле этот молодой человек?

— Так что, как тебя на самом деле зовут, Катя? — хмыкает он.

Глава 19. Тамерлан

— Мы больше никогда не увидимся? — ее плач взрывает голову. Я и так чертовски устал за последние дни, а сейчас так вообще... Голова разрывается на мелкие осколки.

— Лен, — падаю в кресло, сжимая корпус телефона до хруста, — Для чего?

Хотя... Неправильно задавать ей такой вопрос. Как минимум потому что это я ее привязал к себе, я захотел сделать ее своей. Отбил у жениха, расстроил свадьбу, но никогда ничего не обещал.

Я не мог пообещать ей семью. Потому что изначально знал, что не женюсь на русской. А теперь понятия не имею как это все прекратить. Мыслей ноль.

Меня тянет к девушке, сначала я думал, что это сильная влюбленность, между нами искрило, я горел пока касался ее, пока трахал в самых возможных и невозможных позах. И она всегда была покладистой, меня иногда злило, я хотел сопротивления, ведь я видел, как много ей не нравится из того, что я делаю. Но она покорно опускала голову, принимая все мои замашки.

Наскучило... Отпустить бы ее, дать ей возможность построить нормальную семью с другим мужчиной, кто будет готов взять ее в жены, взять за нее ответственность. Ведь кроме места моей любовницы я ничего не смогу предложить.

Я послал ее. Злой был, ярость топила, она не должна была так поступать. Не должна была помогать Заре. Но вот я зачем-то ответил на ее звонок... Скучно тебе, Тамерлан?

— Ты знаешь ответ, — ее шепот пускает яд по венам. Конечно, знаю.

— Я все еще зол на тебя, — прочищаю горло, — Ты не должна была так делать. Ты... сглупила, девочка.

— Я просто боролась за свое, — ее голос повышается, превращаясь в враждебный, она пытается нападать, заведомо понимая, что проиграет в этой схватке, — Мы созданы друг для друга, Тами! Ты не для нее...

— Лен, ты же вроде не тупая баба, — грубо отрезаю, — И должна понимать, что притяжательные местоимения никак не могут относиться к чеченскому мужчине. Да в целом к любому адекватному мужику. Я ничей. Я принадлежу только себе.

— У каждой собаки есть хозяин, — она язвит. И будь я рядом, за такие слова отхлестал бы по белой мягкой заднице, оставляя красные отметины от своих ладоней. Но сейчас могу только сжимать зубы до скрипа.

— Я не собака... — рычу в ответ, — Ты напрашиваешься.

— Да, — она хихикает, — Приезжай, Тами. Накажи меня! Я мокрая... и уже без трусиков, — я слышу как она облизывает свои пальцы, причмокивая.

И тут же член пытается встать, плотно прижимаясь к ткани брюк, рвется на свободу.

Я представляю, как девушка опускает свои тонкие пальчики во влажное и ноющее лоно, собирает влагу и пробует ее на вкус.

— Провоцируешь, — она играет в игру, правила которой установил я. И я же могу их изменить. В любой момент.

— Я согласна, — ее шепот становится еще более тихим.

— На что ты согласна, Лена?

Кладу руку на ширинку, сжимая пульсирующий орган. Еще секунда, я сорвусь и поеду к ней. Плевать, что обещал себе покончить со всем этим.

— Стать полноправной любовницей... Тами, я ведь уже никого не полюблю, как тебя. И если место жены отведено для другой, то хотя бы люби меня так. Ты ведь любишь меня?

Она ждет ответ от меня, а я замолкаю. Люблю ли я?

Да черт его знает, что такое любовь. Я понимаю страсть, влечение, похоть, влюбленность. Но любовь...

Разве могу я раскидываться такими словами будучи неуверенным в том, что на самом деле чувствую.

— Тамерлан, — она зовет меня, — Ты любишь меня?

Сглатываю ком, бью кулаком по бедру несколько раз, чертыхаясь. Пиздец как сложно говорить то, в чем не разбираешься ни хрена.

— Я буду через полчаса. Когда приеду, ты должна стоять на краю кровати, уперевшись коленями в матрас и выгнув задницу. Я накажу тебя, Лена. Ты заслужила.

— Я жду тебя, любимый, — мое желание приехать и трах-

нуть ее она расценивает как “да” на ее вопрос.

Пусть думает, что хочет, но разрядка мне не помешает. Тем более эту суку я сильно хочу, до боли в яйцах.

Сбрасываю звонок, еще минуту просто сижу в тишине, вырисовывая в голове образ Елены, наших тел, как беру ее жестко. Фантазирую о том, как будет классно мне этой ночью.

Но резко что-то происходит. С моей чертовой уставшей головой происходит чертовщина. Потому что я четко вижу образ Зары.

Она стоит посреди поля, в красивом свадебном белом платье с длинным шлейфом. Зовет меня, убегая вдоль рядов колосьев пшеницы. Заливисто смеется, а я как сумасшедший бегу за ней. И не могу остановиться.

Кричу ей, зову ее. Но она все дальше и дальше. Сердце разгоняется словно самолет набирает высоту, и я хочу ее поймать, а она не поддается.

И резкая боль окутывает с головы до ног, когда я делаю попытку сблизиться, а она утопает в объятиях другого.

Распахиваю глаза, смахивая пот со лба. Что за херня?

Крыша стала настолько подтекать, что я схожу с ума.

Резко встаю с кресла, ударяя ногой по его ножке. Хватаю небрежно брошенный на спинку пиджак, накидываю его и вылетаю из комнаты.

Я должен забыться. Я должен выдворить этот бред из своей головы.

Глава 20. Тамерлан

— Тебе понравилось? — Лена ведет языком по моей груди, задевая жесткие волосы. Всасывает в себя кожу, оставляя красные отметины. И я хватаю ее за волосы, наматывая их на кулак. Резко дергая голову девушки вверх.

Ее скальп натягивается, вижу, что больно. Но молчит. Покорная сучка.

— Нахуя ты это делаешь? — рычу ей прямо в лицо, — Мы обговаривали с тобой, что никаких засосов. Я тебе не сопливый пацан. Я взрослый мужик!

— Прости, — она облизывает свои пухлые губы, томно закатывая глаза.

Многие женщины держат мужиков за идиотов, думают, что мы не видим все эти уловки. Но правда в том, что мы прекрасно считываем подобные манипуляции и позволяем женщине так вести себя только в том случае, если нам это самим нужно.

А мне сейчас ни хрена от нее больше не нужно, я получил, что хотел. Моя сперма уже в презике, а он в мусорке. Дело сделано.

— Включай свою голову хоть иногда! — огрызаюсь на нее, отталкивая от себя.

Встаю с кровати, натягиваю черные боксеры. Разминаю шею и потягиваюсь, приходя в себя. Пора ехать домой, но-

чевать здесь я точно не собираюсь.

— Любимый, — жалобный голос за спиной, и я тут же закатываю глаза от ее реплики.

Почему вы, блядь, женщины так унижаетесь? Я не понимаю!

Что хорошего в том, чтобы быть готовой на все ради мужика, который тебя нахрен ни во что не ставит. Мне то это на руку, я могу трахнуть доступное тело в любое время дня и ночи.

— Лен, — я поворачиваюсь к ней, выглядит жалко.

Стоит на коленях на матрасе, сжимает легкую простыню на груди. Вся такая а-ля цветочек, только я знаю, что внутри скрывается коварная женская натура. Женщине всегда что-то нужно от мужчины, она не может любить просто так. Она любит, когда ей что-то надо.

— Тами, ты чувствуешь, что между нами стена? — она подползает ближе, — Неужели за какой-то короткий срок времени могло все так измениться? Неужели из-за какой-то..., — я вижу, что она аккуратничает и подбирает нужные слова, чтобы не разбудить внутри меня гнев. Надрессированная сучка, — Неужели из-за Зары все так переменилось?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.